

МЕТАМ КЫВЪЯСОЙ



МЕНАМ
КЫВЪЯСѢЙ

МОИ
СЛОВА

ТИМА
ВЕНЬ

**МЕНАМ
КЫВЪЯСÖЙ**



Сыктывкар
Коми книжной издательство
1990

**ВЕНИАМИН
ЧИСТАЛЕВ**

МОИ

СЛОВА



**Сыктывкар
Коми книжное издательство
1990**

84 Ко—5
Ч 68



© Состав. Г. И. Торлопов.
Оформление. В. В. Токарев, 1990
ISBN 5-7555-0234-X

МЕНАМ КЫВЪЯСӨЙ

Менам кывъясөй — сийө вир тусьяс;
Менам гижөдъяс — менам синваяс;
Кыпыд сьөлөма оландыръясөй.
Менам ставыс сэн — гижөд-висетьясас.
Тайө кывъясас — войвыв дзоридзьяс,
Кыла ачымөс сийө шыяссьыс:
Сьөлөм дойясөс, мича муслунөс,
Небыд, нормана сьөлөм вөрзьөдөс...
Сідзи морөсад ставыс чукөрмас,
Мыйөн пасйыштан, вөлисьт личмунас.
Кывзышт, лыддьысьөй, чөскыд көръяссө:
Абу прөста сідз найөс лөдөма,
Сэтчө пуктөма мый меддонаыс.

МОИ СЛОВА

Мои слова — кровинки-капельки;
Мои рассказы — слезы светлые;
То, что стало сердца историей.
Все мое там — и песни, и сказы.
А в словах тех — цветы моей родины.
Слышу голос свой в их дыхании;
Боль сердечную, нежность сладкую,
Да богатство любви неподкупной...
Что в душе было сердцем накоплено,
Что осознано, то лишь жизненно.
Улови же, читатель, суть песни:
Не случайно всё это копилось,
Отбиралось лишь драгоценное.

ЛЕНИН ГУ ДОРЫН

*Кольом во, өкмысөд арө,
Волі ме Москва карө...
Воывлі и Октябрөдз татчө.
Но кутшөма вежсьөмыс төдчө!
Москва — сьөлөмыс СССР-лөн.
Кремль нөрыс — Москва карлөн.
Ленин гу—став му шар выв
уджалысь йөзлөн.*

**Москваса Гөрд площадь выв.
Рыт. Лэччис нин енэжса шонді.
Миллион шондіөн
ыпнитіс-өзйис
сы пыдди кар...**

**Гөрд площадь — рөм,
Кремль нөрыс — лөнь:
кывзысьө — сулалө,
кыдзикөн гымалө,
муркөдө кылө
милыона кар.**

.
**Кремль-крепость
ыджыда дөввидзө,
нитшсялөм из-кирпич
стеньяснас**

сьöкыда базвидзö...
Сулалö-видзö
сюрс वोся олöмъяс,
чукрасьöм кымöсас кутö...
Видзöдны — быттьökö
ставыс на важ,
абу на некутшöм
виль олöм гаж:
быдлаын вичкояс,
чурвидзан крестьяс,
тоньвидзан öшлöма
сё пудъя жыннъяс...

— Мед! Миянös оз нин
вермыны найö
бергöдны важö.
Сöмын нö ёнджыка
петкöдлö-казьтывлö
важ мирлысь пежсö!..
Тонö, со,
царъяслөн рель —
морт юръяс
кераланін
(вирöсь на пос помныс налөн).
Öнисö сэтысянь
юөръяс сетöны —
кедзөвтöм войтырлы мир!
Аддзам, кыз сувтлывліс
этійö пос вылас
медбөръя здукъясас Разин...

Сөмын тай, мужикöй,
сё вояс бöрын
джагтöрöд гөрöдсö
вöлисти Октябрын
сьылысьыд разин!

.
Гөрд площадь пасьтала йöз.
Зэв ыджыд кытшыльöн
гартчыштчö-люзьвидзö
öчередь бöж,
бытьöкö кыскысьсö
сюрс сывья гез...

Гөрд площадь лöнь —
дас сюрс морт виччысьö,
сулалö чöv.

Кытысьсö абуöсь! —
быдлаысь,
му шар выв пасьтаысь:
Азия, Африка,
Европа гөгöрысь,
ылысь —
морейс сайысь,
локтöмны —
кысьсöмны татчö.

Коді нö тані
тіянлы рöдняыс?..
—Сійö тай,
код кузя аддзинныд
мортъясөн асьтö!

Коді тай олөмсö
му шар выв йöзыслысь
мöдарö бергöдiс.

Тадзикöн семья
ыджыд ай гу вылö
казытывлö-волö.
Сiдзи жö öнi
быд лунö, часö
волысьлö татчö.
Но семьяыс налөн
му шар выв пасьтаса
Интер-
нацио-
нал!

.
«Тринь... тринь... тринь...
Бре-е-ень!» —
Кремль башня йывсянь
троньöдiс-кучкалiс
кöкъямыс час.
Зымöбтiс,
горöдiс ворсны
музыка «Интер-
национал».
Чукöстчис
сьөлöмас быдөнлы:
«Öтувтчöй, уджалысь
быд нация йöз!»
Ырöстiс, —

бөрддзыны көсйис
синваён
морёсын сьёлөм, —
визлаліс сөнъясөд,
чепөсйис чужөмө, —
войтыштны эз лысьт:
Ленинлөн кывъясыс
төд вылө уси,
сьёлөмсянь юр вемө кайис,
син водз эз гудырт,
сөдз вежөр пуктіс, —
разалі тушаө,
ёнтіс.

.
Ньөжйөник,
воськолысь-воськолө
мөдөдчис гу дорлань
визувтны йөз.
Лөнъыштлам...
— Куйлө тан миян
медыджыд ёртным!

.
Вой. ВЦИК керка
юрйылын,
зэв вылө качөдчөм,
гөрд-дөла биөн
өзъялө-шпорөдчө
гырд рөма флаг,
кыпөдө-кыскө

бөрсяньыс сьёлөмтө,
кытчөкө зэв ылө
кесйөдө-ыстө!..

Кар весьтын сынөдыс
ломтысьö биөн,
кыдзи тай вөр тыла сотигөн
сюрьяөн енэжас
югöрыс докъялө —
ветлөдлө-жөдзө...

.

Ломалө?

О-оз!

Вежсялө

шыясыс вой кежлө.

Кремль нöрыс

быттьөкө

зэв ыджыд рупор,

чукөртө гөгöрсьыс

шыяссö ставсö.

Луннассö

Москва кар

быттьөкө зэв ыджыд

кодзувкоткар.

Войнассö —

зарада

электрической шар.

Лыйлöны-сявкйöны

радиостанция башняяс —

сетөдлө-өнтөдлө

гөгөрыс сынөдас,
ысталө-разөдө
юөръяс, сёрнияс:
рытылө, лунвылө,
асылө, войө —
став Союз пасьтаө...
Кывзө миллион йөз
сиктъясын, грездъясын,
рытьясын олө, —
тiпиктө-ёпкө
сьөлөмнас,
быдлаө волө...

• • • • •
Кузь войбыд асылөдз
дугдывтөг
буксисны-сьылисны
паровоз буксанъяс: «у-уук!...»
Чуксасисны
өтмөда-мөдныскөд:
«эн у-уузы!»

• • • • •
Кыптө нин шондi,
быттьө вир ёкмыль
гө-ө-өрд!..
Сьөд тшынөн шпуритан
фабрик трубаяс пөвсттi.
Садьмөма-сь, кылө,
көрт бордъя пөткаяс:
«жжрррнь» — зэв вылын

енэжас
винт шыныс жуньгö, —
кыпöдчöны
аэропланъяс...
Пуксьö лун.

• • • • •
Сідзикöн вежласьö —
оз лöньлы, узьлы,
лун и вой уджалö
мудзлывтöм сьöлöмыс
СССР-лөн,
кытöні куйлö
нуöдысь ёртныс
уджалысь йöзлөн.

1927

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

*Москва — сердце СССР.
Кремль — сердце Москвы,
Мавзолей Ленина —
Сердце трудящихся всего мира.*

Красная площадь в Москве
В сумрак вечерний одета.
Вдруг вместо солнца на небе
Тысячи электросолнц

Разом зажглись над Москвой,
Словно рассвет.

Красная площадь.
Траурный вечер
И тишина.
Дремлет она,
Слушая пульс
Грохота жизни
В городе, ставшем столицей
Всех пролетариев мира.
Стены Кремля
Вздыбились в небо,
В зарево города, в тучи...
Красный кирпич
В землю осел,
Мохом обросши в веках.
В зубьях замшелой стены
Кремль величаво хранит,
Тени глубоко тая,
Складками древних морщин
Старые были страны.

С первого взгляда
Все, как и было
В прошлых веках.
Да!
Готика башен,
Жерла бойниц,

Р
И
Ж
Ч
Т
А
Д
Д
В
И
Д
Т
Ж
П
Е
С
Д
П
Я
И
И
И

Медные глотки
Колоколов
В пастях звонниц...
Пусть!
Но мы знаем:
Это — мираж!
Это — лишь тени
Прогнанных лет —
Мрачных, проклятых
Прогнанных лет!
К прошлому тени
Нас не вернут!
Глядя на них,
Мы ненавидим
Крепче бывшее,
Крепче любим
Новые дни.

Вот он, позорный,
Подлый свидетель
Царской расправы
В дни лихолетья:
Вот оно черное
Лобное место!
Кровью народной,
Кровью свободы
Эти ступени
Царь поливал.
В мраке столетий

Через туман
Нижу, как всходит
В плахе кровавой
Вазин Степан, —
Гордый мужицкий
Атаман.

А, тяжела
Доля была
Мужиков», ставших
друг мужиками
И потерявших
Юдские права!

Только Октябрь наш,
Звивши победное
Красное знамя,
Летли распутал,
Цепи порвал,
Рабство стряхнув
С плеч человека.

Дальше — другой
Памятник старый:
Князь-воевода поджарый,
Медный Пожарский сидит.

А за ним,
Руку простерши к кремлевским твердыням,
Медным перстом своим
Минин

Впился в туманную даль,
Словно сквозь сумрак веков,

Через бояр и царя,
Через ярмо и оковы, короны,
Видит зарю Октября.
Словно из призрачной тьмы
На мавзолей Ильича
Смотрит, тревожно шепча:

«Мы —
Больше не мы.
Мы — только дым
Плесень и тени.
Будет вождем мировым
Ленин!»

Красная площадь народом полна.
Тут не народ,
А народы!..
С улиц идет за волною волна.
Алое пламя знамен
Вьется над морем голов.
Нет ни конца им, ни края.
Море людское молчит.
Тишина...
Тысячи —
Нет! Миллионы —
Все как один человек
Замерли.
Тихо стоят
И молчат
В ожиданьи.

— Кто вы?

Откуда собрались к могиле?

— Мы?

Мы — со всей необъятной земли,

Мы делегатами от угнетенных

К этой великой могиле пришли.

Мы — с азиатских горных отрогов,

Из африканских лесов

И песков,

Из европейских столичных предместий.

И из заморских краев.

Люди всех рас собрались вместе, —

Всех четырех цветов.

— Кто же вам тут

Родственно близок?

Кто он вам?

Мать?

Отец?

В память кого

В ритме едином

Бьются миллионы сердец?

— Нет, он — тот, кто человека

Разбудил в рабах;

Кто своей железной волей

Заглушил в нас страх;

Кто своим могучим словом

Вел нас в бой всегда

Кто нас сделал друг для друга
Братьями труда;
Тот, кто бытие людское
Всколыхнул до дна,
Кем Октябрьская над миром
Зажжена весна;
Кто заветы правды новой
В мысль народов влил, —
Тот, кто красное над миром
Солнце запалил!

Как в веках, давно минувших,
К предку рода на курган
В вешний день сходилось племя, —
Так теперь в единый стан
Все трудящиеся мира
Тут слились сейчас.
Племя мы одно!

Но имя
Новое у нас:
Имя это
Он нам завещал!
Имя нам —

Интернационал!

«Тринь-тринь-тринь...

Брень»...

С башни кремлевской бесстрастно
Колокол древний в толпу отсчитал
Восемь часов.

Кажется, восемь веков

В бездну упало...

За ним

Звоном стали

Взмылся в дали

Наш великий гимн.

Рвался в небо

Неуемный

Пролетарский зов:

«Вставай, проклятем заклеянный

Весь мир голодных и рабов!..»

Сердце, как туча,

Сердце, как море,

Ливнем и пеной

Рвалось наружу.

Но затаили мы

Слезы глубоко:

Горе большое

В слезы не втиснешь!

Ленину — слезы?

Он — утвержденье

Творческой радости.

Жизни рассвет!

.

Тихим шагом

Стройно в ногу

Мы к могиле зашагали.

Здесь лежит наш вождь великий,

Старший брат,
Товарищ славный.

Ночь...

Над ВЦИКом красный флаг,
Полыхая, как зарница,
Вьется огненной птицей,
Манит в небо ум и сердце,
Молнией врываясь в кровь,
Возвращает юность телу
И зовет,
Зовет нас к делу,
В бой,
К победе вновь и вновь!..

Воздух над городом
Светится ярко,
Словно эфир
Запылал в вышине.
Так же в тайге нашей,
Если пожаром
Вспыхнут столетних
Сосен стволы,
В небо тогда —
В самые тучи —
Вьются столбами
Пожара лучи.
Так же играют,
В пляске порхают

Яркие искры
В кручах небес
И, полыхая,
Так же багрянят
Край наш зеленый —
Коми наш край.

— Стихло?

— Нет!

Шумы дня
Шумы полночи
Сменяют
У Кремля.
Словно рупор
Необъятный
По эфиру
Льет сюда
Все звуки мира.

Днем Москва —
Как муравейник.
Днем работа
Непрестанно
В ней кипит.
Ночью город —
Шар огромный,
Искры сыплющий
В пространстве
Огненный электрошар.

Так и ночь смежает очи,
И цветет восток зарею.
И из зорьного пожара
Выплывает в небо солнце
Из-за леса

Труб и башен.

Дым вздымается победно
В небеса навстречу солнцу,
Призывая люд рабочий
К делу чести,
К делу славы,
К делу доблести,
Геройства.

Слышишь?..

Проснулись
Сереброкрылые
Наши стальные
Птицы-орлы.

«Ж-ж-ррнь-нь!»

«Дз-зин-нь!...»

Небо буравя,
С аэродрома
К солнцу взлетают
Аэропланы...
Вспыхнул над городом день.

Неизменна
Эта смена

Дня и ночи
Над Москвой.
Неустанно
Бьется сердце
Необъятного Союза, —
Наша Красная столица,
Где покоится
Наш Ленин, —
Вождь,
Товарищ
И учитель
Всех трудящихся земли.

ПОЭЗИЯ АРТМӨМ

Ог төд, кодї менө чужтліс,
Кодї быдтїс, вердїс-удїс,
Сьывны-мойдны йөзө лэдзліс...

Гашкө, лөзов чөд тусь пиын
Быдми меөй вөр туй дорын,
Да өктїс кудьяс ветлысь-мунысь.

Гашкө, вөр ты пыдөс ваыс
Вөлі меным потан пыдди,
Чөж-пөткаыс өввө сьывліс.

Гашкө, вөлі лөня вөрыс...
Меным висьтьяс йөлөгаө
Төлысь югөр чукөрталїс.

1923

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Кто родил меня, не знаю,
Кто взрастил и дал мне силу
С песнями к народу выйти?

Может, у лесной дороги
Вырос я среди черники
И подобран был прохожим.
Может, озеро лесное
Мне служило колыбелью,
«Баю-бай» мне птицы пели,
И тайга мой сон хранила,
А луна сказаний нити
В песенный клубок метала.



ЧУЖАН МУЌЙ МЕНАМ

«Тырмас!»— шуи ме аслым. Сöмын ог тöд, мый йылысь сійö менам шусис. Гора сідз шуи и быттьö узянінысь садьми. Ышловзи, чеччи. Видзöда: пукала ме кыр йылын, джуджыд кыр йылын — Днепр ю дорын.

Вылын зэв пукала. Быттьö дзик кок улын визувтö Днепр. Кывтöны-катöны ю кузя пыжаяс, пароходъяс. Кывтöны ва вывтi пуръяс...

Шондiыс, югыд, шоньд шондiыс сьö-лöмöс шонгiс, небзьöдiс. Тöлыс, асыв-вой тöлыс ыркöдiс, пожъялис чужöмöс менсьым.

Сійö жö думъяс мем вайис, чорыда юрö пукталiс. Асыв-вой тöлöй! Тэ öд мянладорсянь локтан, майбырöй! Менам чужан мусянь, Коми мусянь!.. Висьтав жö меным, висьтав, мыйяс нин мян гортладорас вöчсьö-керсьö?!

* * *

Видзöда ва вылö: кутшöм гудыр, нюйта зэв визувтö, пемыд. А мян Эжва юным! Майбырöй, кутшöм югыд да сöстöм сэн ваыс! Кутшöм кöдзыд, абу небось тани

кунва кодъ шун. Сѣ майбырѳй, коркѳ бара
аддзыла ог нин тѣнѳ-а, Эжва юѳй, верды-
сьѳй-удысьѳй? Сюрлѳ оз нин тѣнад кыпыд
морѳс вывтѳ пыжѳн ветлыны-а, югыд ви-
дзѳдчан кодъ ванад нимкодясьыштны, син-
ва кодъ сѳстѳм ватѳ юыштлыны; сюрлѳ оз
нин коркѳ черитѳ кыйыштлыны, сюсь комъ-
ясѳс вугырѳн кыскавлыны?! Ок, кор нин
бара сѣтшѳм шудыс лолѳ миянлы?!

* * *

...Лѳсьыд жѳ нин миян вѳръясын, ва-
ясын. Ме мѳвпала да думѳн казътывла
Эжва катыд пыжѳн катѳм. Аддза и кыла
ставсѳ — быттьѳ син водзын сулалѳ. По-
воддя мича: шондѳа, лѳнь. Сѳмын пелыс
дугдывтѳг тольскѳ да гольскысьѳ изъя ю
пыдѳсѳ. Быд зѳйыштчѳмысь пыжыд чеп-
ѳсьѳ, тювгысьѳ водзѳ, шкорѳбѳн ва нырсѳ
орѳдѳ, доръясѳдыс сяльгѳ. Уна кѳдж нин
коли. Кымын катыд — сымын гажаджык.
Джуджыд из слудаяс кутѳсны тыдавны.

Ставыс син водзын. Со тонѳ вомын
кузя утка котыр шпарѳдѳс... Лѳнь. Весиг
ѳти кор оз вѳрзъы. Шондѳ сѳмын шлянгѳ.
Нѳрѳм пу увтѳ катам, косьт вывтѳ гыжъя-
сям, пыжнымѳс миянлысь нѳбалѳ бѳр,
кывтыд нырсѳ бергѳдѳ. Кашкам, пѳсялам,



зіб'ясям зіля; корта пелыс толькѡ зяткы-сьѡ изйѡ.

Гажа вомын кузя катам. Юр весьтын слуда кыпѡдчѡ вылѡ. Нияяс сэн из вылын быдмѡны. Ок гырысьсѡ жѡ быдмѡны! Кыз-ѡсь, кузьѡсь, веськыдѡсь, мичаѡсь!..

Лѡнь, шоньд ва вылын. Кѡнсюрѡ чери чеччыштлѡ: ком'яс варскѡны ва вылын — гаг'ясѡс куталѡны. Синмѡй унаысь усь-ывлѡ вугыр шать вылѡ, но терпита,— колѡ катны талун Чер вомѡдз.

Лѡсьыд, долыд сьѡлѡм вылад! Ки-кок шойчѡма, зумыд. Зіб'ясян зіля. Пыжыд сѡмын тювгысьѡ н'ѡв моз. Ывлаыс гѡгѡр кутшѡм гажа! Шондѡ вылѡ нин кайис. Не-ыджыд тѡв кыпѡдчис. Кокныыд лолавны морѡсыдлы — быттьѡ улльѡв юан... Дукыс, дукыс! Кутшѡм чѡскыд, морѡсад оз тѡр...

* * *

...Муса ас чужан сѡрниѡй, коми кыв-йѡй! Ёна жѡ нин менам тэысь гаж быри, сѡ майбырѡй. Коркѡ нѡ кывла ог нин тэнѡ ас пельѡн, шула ог нин ас вомѡн тэнсьыд, коми сѡрнилысь, дона кыв'ястѡ?.. Сѡрнит-ныыд окота, сьѡлѡмтѡ бурѡдныыд; окота висьтавыны ассьыд шог'ястѡ, дум'ястѡ да некодлы. Колѡ сѡрнитны да некодкѡд. Вет-

лігөн-мунігөн пыр корсысян, кывзысян ас мортос. Пельтө торгөдөмыд да пыр надейтчан — оз-ө кодкө ас сёрниа морт сюр. Оз тай. Некодкөд тай шыасьныыд, некодлы тай висьтавыныыд курыд шогьястө, некодкөд тай нимкодясьныыд нимкодьторьяснад.

Кутшөм гажа, кутшөм долыд вөлөма ас муад овнытө. Сөмын тай сійос бөрвылас төдан да казялан, горттө эновтөм бөрын. Быдтор тай гортладорсьыд тэнө вөрзёдө, быд лолөмтор муса кажитчө...

Өні гожөм. Көдзыд төв бөрын да зэралымья тулыс бөрын лөсьыд жө өні мян войвылын гожөмыс! Июнь — лөддза-номья төлысь. Медся гажа кадыс во гөгөрнас, медся донаыс видз-му уджалысьлы. Тувсов уджъяс эштөма: гөрсьөма и көдзсьөма, йөръясө пуктысьөма. Видз вылө водз на петны. Медся эштан дырыс! Ставыс быдмө: пуяс, турунъяс, вотос дзоридзалө... Оз кисьмө (регыд челядь вотны нин ку-тасны).

Дзоля дырсяыд дум вылад усьө. Ветывлам вөлі ми оз вотны Джуджыд сөнө. Кайывлам вөлі челядь чукөр вотчыны выль сямөд туйсьясөн, мича краситөм тасьтиясөн... Ыб вомөн... Нюр вуджасөд... Помос юөд келам... котөрөн. Джуджыд

сёнөдз сувтлытөг каям... Пуяс костті, тусяпу пөвстті ветлөдлан-кытшлалан, гора-
лан, сылан кузь лунтыр. Шондіыс, югыд
шондіыс енэжас! Му пасьталаыс зарни
югөръяснас тыр...

Синваыд петас, казътыштан да. Дзоля
дырсяй, сё майбырөй! Ылө тай тэ кольө-
мыд. Вөт моз олөмөй, райын моз вылөмөй,
ылө тай тэ кольөмыд. Некор нин оз бер-
гөдчыв... Горшыд гөрддзасяс, синваыд
пөдтө, казътыштан да. Быдлаө волан дум-
над, быд пельөс казътыштан гортладор-
сьыд: видз вылад и, му вылад и, маті төдса
вөръясөд ветлөдлан, быд пу кост видла-
лан... Быдлаті думыд лэбалас, быд пу костө
синва войт уськөдас... Дона ас муын инъ-
ясөй! Ёна жө ме радейта, ёна гажтөмтча
тіянысь, некызд ог вермы тіянөс вунөдны...

Киев. 1917 во

ЗЕМЛЯ МОЯ РОДНАЯ

«Хватит!»— сказал я себе. Не знаю
только, по какому поводу произнес это.
Громко так сказал и будто проснулся от
глубокой спячки. Очнулся, вздохнул глу-
боко. Смотрю: сижу я на горке, на высо-
ком берегу Днепра.

Очень высоко сижу. И как будто у самых моих ног течет Днепр. Снуют, идут вверх и вниз лодки, пароходы. Плывут плоты...

Солнце, горячее, яркое солнце согрело, смягчило мое сердце. Ветер, северо-восточный ветер освежил, мягко омыл мое лицо! Он же навеял думы, накрепко внес их в мое сознание. Ветер, ветер! Ты ведь из наших краев веешь, счастливый северо-восточный! Из моей родной стороны, из Коми земли!.. Скажи же мне, скажи, что уже творится-делается в нашей родной сторонке?!

* * *

Смотрю на реку: какая она мутная, течет, затянутая тиной, илистая, темная! А наша Вычегда-река! Любимая, счастливая. Какая светлая, чистая и холодная ее струя! Небось, не похожа на здешний тепленький щелок. Благодатная моя, увижу ли еще когда-нибудь тебя, моя Вычегда-река, кормилица и поилица. Удастся ли еще хоть раз прокатиться на лодке по твоей красивой груди, полюбоваться твоей зеркально светлой гладью, напиться чистой, как слеза, воды, удастся ли когда-

либо порыбачить, подсекать и таскать хитрых и быстрых хариусов?! Ох, когда уж выпадет такое счастье для нас?!



...Хорошо же в наших лесах, на наших реках. Я думаю об этом и мысленно поднимаюсь на лодке вверх по Вычегде. Вижу и слышу все — как будто все наяву и перед глазами. Погода отличная: солнечно, тихо. Только весло непрерывно звякает о каменистое дно реки. От каждого толчка лодка как бы скачком устремляется вперед, вспарывая поверхность реки, вызывая быстрые волны, с тихим журчанием накатывающиеся на берег. Много излучин уже осталось позади. Чем дальше к верховьям — тем красивее. Стали видны высокие каменные гряды.

Все перед глазами. Вон впереди над плесом выводок уток пролетел с характерным хлопаньем крыльев... Тихо. Ни один листик не шелохнется. Только солнце парит. Плыдем под нависшим над рекой деревом, по порогам царапаемся-тащимся, лодку нашу течение отбрасывает назад, поворачивает вниз по течению. Пыхтим, обливаемся пбтом, усердно работаем шес-

тами, окованное весло так и звякает о камни.

Плывем по красивому плесу. Над головой высится крутая каменистая гряда. Наверху, на камнях, растут лиственницы. Ох и великаны же растут. Толстые, высокие, прямые, красивые...

Тихо, тепло на реке. Там и сям рыба играет: хариус жадно глотает все, что появляется на поверхности реки. Часто поглядываю на удилица, но терплю — надо доплыть сегодня до устья реки Чер.

Хорошо, радостно на сердце! Руки и ноги отдохнули, крепки. Быстро плывем на шестах. Лодка идет быстро, летит как стрела. Как весело, красиво вокруг. Солнце уже поднялось высоко. Подул небольшой ветерок: легко дышится — будто пьешь парное молоко... Запах, запах! Какой ароматный, переполняет грудь...

* * *

Любимая родная речь, коми язык мой! Как же сильно соскучился по тебе, моя благодать. Услышу ли когда-нибудь твое милое звучание, скажу ли твои, коми речь, дорогие слова?.. Охота поговорить, утешить сердце; охота передать свою грусть-

печаль, свои думы — да некому. Хочется поговорить — да не с кем. Путешествуя, прислушиваешься, всегда ищешь своих людей. Навострив уши, надеешься, ждешь — не встретишь ли человека, говорящего на родном языке. Но нет. Не с кем перемолвиться, некому поведать о горькой печали, не с кем порадоваться счастью.

Как весело, как радостно, оказывается, жить на родной земле. Только вот узнаешь об этом и догадаешься лишь после того, как покинешь родные места. Все родное тянет тебя, все бывшее дорогим кажется.

Теперь лето. После холодной зимы и весны с дождями да снегом хорошо теперь у нас на севере! Июнь — месяц овода и комара. Самое веселое время в году, самая дорогая пора для земледельца. Весенние работы уже завершены: все вспахано и посеяно, в огородах закончены посадки. Выходить на луга еще рано. Самая свободная пора! Все растет: деревья, трава, цветет ягода... Вызревает земляника (дети скоро начнут собирать ее).

Приходят на ум детские годы. Ходили мы собирать землянику к «Большой ложбине». Целой ватагой ходили с новыми туесками, красиво разрисованными мис-

ками... Через поле... По переходу через болото... Бегом вброд переходили речку Помэс. Шли нигде не останавливаясь... Между деревьями, сквозь побеги можжевельника. Целый день ходишь по полянам, обходишь заросшие травой лужайки, перекликаешься, поёшь. Солнце, яркое солнце на небе! Вся земля в золотистых лучах...

Вспомнишь все это, и слезы навертываются. Благодатное время — детство! Много, очень много лет прошло с тех счастливых пор. Жизнь, похожая на сон, райская жизнь детства отошла в прошлое, ушла безвозвратно... Вспомнишь — и в горле запершит, слезами захлебнешься. Везде побываешь мысленно, каждый уголок родной сторонки вспомнишь: луга и поля. По знакомым лесам походишь, между каждым деревом побываешь... Дорогие места родной земли! Как же беззаветно люблю вас, как тоскую по вас, и нет сил забыть вас...

ӨТИ... ДАС КУИМ МИЛЛИОН ЛЫДЫСЬ

«Шойна» висьт гижӧдысь тор

...Са съӧд арся войӧ воисны миян вой-
тыр рытив-лунвывса Россия ичӧтик уезд-
нӧй карӧ. Сэни вӧлі сулалӧ налӧн полкныс.
Чеччӧдісны зуркыд теплушка вагонъясысь
да ыжъясӧс моз вӧтлісны вокзалсянь кар
мӧдар помас. Пидзӧсӧдз сыла няйт питі
собисны кар уличаяс шӧрӧд, еджыд ас дӧ-
ра нопъяӧсь, койтов-кайтов морт вуджӧръ-
яс. Чӧв зумыш мунісны, варовъяс бырӧма-
ӧсь... Воши медбӧръя надея бӧр гортӧ бер-
гӧдчӧм вылӧ. Арся съӧд войыс кодъ шуш-
тӧм кылӧм ӧшйис морӧсаныс...

Карыс узис нин, некӧн би ни ва. Сӧмын
кар мӧдар помланыс, бульвар вылын, вылӧ
лэптӧм телега вожъяс пӧвстті да гӧгыльяс
костӧд, муртса-муртса чусалисны тусіник
кӧдзалан бипуръяс. Тайӧ — беженцы, вой-
наысь пышйысь крестьяна, лагерӧн узь-
мӧдчӧмаӧсь вой кезлӧ... Кыліс сэн челядь-

лөн нор шыа бёрдём да вёвьяслён ас гид-
ня-картаысь гажтёмтчана гёрдлём.

Со и казармаяс. Кузя нюжөдчөмаёсь
воймём няйт корпусъяс нельнан боксянь-
ыс, быттьөкө кузьмёс, гырысь съод гортъ-
яс. Шёрас — площадь, салдат кок пыдөсөн
топыда гындём под. Гажтёма видзөдісны
ратникъяс вылө пемыд өшина ловъя тюр-
маяс...

Пыртісны өти керкаө. Паськыд нильөг
няйт посъяс кузя катөдісны вылыс судтаас.
Некорсө төдлытём көдзыд уль руөн өвтыш-
тіс бакшасьём йирк-стенъяссиянь.

— Но-о-о... воим тай гуад!..— сьёкыда
ышловзисны ратникъяс.

— Тан, гашкө, и пондасны видзны да!..
татшөм гидняяс...

— Оз дыр видзны,— асьныс жө аслы-
ныс вочавидзисны.

Пөрчысьтөг-разясьтөг водісны куш
джоджө, юр уланыс асьыныс нопъяссө
пуктісны. Съод эшкынөн шебрөдіс войыс
ылі войывса коми пьянөс. Унмовсисны
кокни тревогаа салдат унмөн.

Эз узь Сергей Вась. Воча син эз волы
сылён — шытөг көтөдіс синванас асьыс
ноп дөрасө. (Эз прөста бёрд Вась, кыліс
сьөлөмыссылён, мый тані сійөс виччысьө.)

Вась эз нин тані вөв медводдза, эз и медбөръя морт — квайтөд сё морт нин сійө вөлі куш аслас вөлөсть увсьыс, нуисны сыөдз и сы бөрын унаөс на, пөрысьөс и томөс. Вөлі вывті небыд сьөлөма, кылана морт сійө, сьөд вөр шөрысь первой туйө петысь. Некиды эз вермы сылөн бурасыны мывкыдыс, лолыс тайө олөмкөд, эз вермы асьсө лөсьөдны, сійө олөм ногыс мунны...

Асывнас водз, лөз төдчигас, кыліс де журнөйлөн лөкгорша гөлөс:

— Вста-вай!.. — быттьө кысянькө уси. Велавтөм пельяслы кажитчис тайө — «вөйим...» либө «сотчим...» кылөм моз. (Да и сы бөрын на дыр эз велавны ратникъяс тайө лөкгорша, узигкоста ковтөм, йөй морт моз равзөмас. Но сэтшөм нин вөлі «пөрадок».)

Повзьөм чужөмъясөн, тіралана сьөлөмөн вирскөб чеччисны ратникъяс.

Пуксис лун и вой полана салдатскөй олөм.

* * *

Пондісны вөчөдны миян войтырөс «кын мыръясысь» салдатысьсө. Ас паськөмъяс пөрччөдісны, сеталісны пөдрасник кодь,

няйтысла волялан кожа-дөра шынельяс. Ассыныс пальтояс, пинжакъяс, сапөгъяс донтөм донөн лои вузавлыны асланыс начальстволы жө — кадрөвөй взводнөйяслы да отделённөйяслы. Найө, ичөтик Круппъяс моз, войнаөн озырмөдчисны тшөтш, нёнялісны радөвөй «серөй» салдатөс. Быд выльысь воём партия йөз налы вөлі кивыв: дзонь нөбовтасъясөн ньөбавлісны новобранцылысь көлуй да спекулируютісны базар вылын, вузавлісны куим донөн либө бурджыкторъяссө мөдөдавлісны гортаныс, заптысисны-чөжисны коркө кежлө. (Том салдатлы сэк кадө вөлі запретитөны казарма гөгөрысь водзө петавлыны.)

Шог вөлі Васьөлы янсөдчыны аслас көлуйыскөд, өд медбөръя йитөдыс нин сійө вөлі гортыскөд, гортса олөмыскөд. Ратникъяслөн гортса нянь тыра нопъяс регыд и рекмисны. Ноп дөранысө ратникъяс вундалісны нямөдъяс вылө. Сы кындзи, сэсса нинөм нин гортса көлуй эз коль, коли кө — коли кодлөнкө сөмын носөвөй чышъян да табак көшель.

Пондісны муштруйтны-«велөдны»: веськөдны гөрбъяс, топөдны гөр вож кодь кокъяс, чатөртны юр, «кыскыны» кынөм... Вежны ветлас и статья. Дзонь часөдз өти местаын гындөдасны, кок пөкъяс пыктав-

мөн,— корёны гора кок шы. И сулавныд он куж, и восьлалігад кокъясыд дзугсьоны, киясыд быттьо абу аслад, весь блёмъялөны,— ставыс торксис. Юрыд кө өшйыштөма, тшөка лыад зятнитөны. Гөрбыд кө вунөма, кулакөн гымөбтасны, бөрыд кө чургөдчыштөма — пидзөпомалөны... Тюни вывті гындейлөн нөшпалич ветлігмоз, ветлө салдат туша вывті начальниклөн кулакыс да приклад помыс, бала мода сетөны сідз. А ротнөй офицер оз яндысь аслас дворянскөй рөд нимсыс да новлөдлө киас нагайка. Салдат рад водзвывті кө мунө, щөка лы помө нагайка воропыс зяткө, бөрвывтис кө мунө,— шашка пуртөс помнастувкөдө шуны позьтөминө...

Медся нин ёна инмаліс Иван Ёгорлы да Сергей Васьлы. Найө кыкнанныс вөліны артель пөвстас медся рамось да безөтветнөйөсь. (Важ мир! Проклятөй, ёрөм олөм лад! Лөж, гуга гөгөрвоөм! Кымын морт рам, кымын сійө слаб, жеб-гөль, мыйөтш кывзысь-зіль, пемыд-төдтөм; кымын морт веськыд, честнөй — сымын сійөс зільлісны нартитны, пөртны нөшта нин пемөсө, морт нимсө уськөдны, мырддыны ловсө..)

Найө кыкнанныс вөліны неграмотнөй-

өсь. Ёгорыс ньöти велöдчътöм морт. Вась-
ыс муртса сер-сер толькö тöдiс, кыз шу-
сьö, аслыс мында. Некодныс рочөн эз гö-
гөрвоны.

— Эй ты, самоедская морда!— горöдас
Вась вылö либö Ёгор вылö пежгаг тушаа,
лазгöдöм порсь синъяса унтер, оз кö мый-
кö налөн артмы.

— Ми абу самоедъяс, а...— пондылас
кодкö артельсьыс веськöдны, но вомсö
восьтöмөн тшöтш тупкыны лö.

— Молчать!.. Все равно — скоты...

Ныр вылö усьтöдз котрöдласны взвод-
нöйяс быд нинöм абу мыжысь: осьлавны
кужтöмысь, шуйга-веськыд кокөн непöраö
тувчöмысь, «честь сетны» кужтöмысь и
быдторйысь.

Торйöдасны Васьöс мукöдсьыс и давай
новлöдлыны чань-вөлöс моз: «Раз-два, раз-
два...» «Левой... левой...»— ылö тшöктасны
котöртны. Вась эськö кöть мыйттöм ылö-
джык нин котöртас, медым кöть öти здук
нин не аддзыны синъяснас да кывны пель-
яснас мустöм чужöмсö-гөлöссö мучитысь-
ыслысь. Но стрöг нартитан шыа гөлöс
взводнöйлөн бергöдас бөр: «Наза-ад!» Вай-
öдлас динöдзыс да бара. Лолыс нин тырö-
ма Васьлөн, кочöгыс бытшкö, сьөлöмыс

кутлас дзик потны, син водзыс пемдѡма — усьлѡ-чеччѡ, котралѡ да шуалѡ, медым проклятѡй кокъяс оз дзугсьыны «раз, два, три...», «раз, два, три...» да быд «три» шуѡм бѡрын аслыс вомгорулас гусьѡник содтѡ — «щетыре».

— Щетыре... щетыре... щетыре... — юр пѡла гѡгыль тюримоз лѡвтѡ котралігтыр-йиыс да чотіктѡ шуйга кок вылас... (Шог, шуштѡм видзѡдны-кывны.)

И пасѡ лыйсигѡн Васьлѡн оз инмы, вѡрзьѡ киыс. Кутшѡма эськѡ радейтліс гортас асьыс пелькиник турка-пищальсѡ, вевьялѡ вѡлі лыйсьыны, ѡти заряд кушѡ эз лэдзлы, урлы ли сьѡлалы синмас веськавліс. Оз веськав и штык йылыс Васьлѡн «атакаѡн» мунігѡн идзасысь вѡчѡм чуче-лаѡ, — киыс дрѡгмунѡ, ыштѡ ловья мортѡс бытшкѡ, бокѡ веськалѡ либѡ муртса инмѡд-чыштлас штык йывнас. Сыысь Васьѡс бара «шонтѡны».

А рытнас — «под ружьѡ». Сѡвтасны Васьлы вещей мешѡк тырыс лыа да сув-тѡдасны кѡдзыд коридорѡ, сулалѡ, ѡтарѡ гѡрбыльтчѡ, свинеч моз личкѡ пудйѡн-джыниѡна ноп, вундѡ вѡсни волысыс, пель-пом льяссѡ поткѡдѡ. А сэн ещѡ содтѡд — киад дас кык пунта винтовка веськыда

колö кутны. Рудзалö ки, кусыньтчöны
кокъяс,— вот усьö. Кöть эськö лэччысь-
ыштны стен бердö муртса кежлö, но он:
взводнöйлөн канцелярия öдзöсыс коласта,
сэсянь тыдалö ставыс, регыд горöдас:
«прямо!»

И сулалö, сулалö Вась. Аслас синваыс
войтыштö и войтыштö тöдлытöгыс. Кöта-
сьöм син лысьяс пырыс аслыс тыдалö чу-
жан сиктыс, лөнъ нöрыс бокшаын чоль-
гысь Рас ёль шор дорын — сэтшöм рам,
сэтшöм муса, сэтшöм позьтöм ылын, бер-
гöдтöм важ...

«Мыйысь? Мый мыжысь?»— ачыс оз
вермы тöдны-шензьины, бергалö юрас.

«За царя!..»— кын нöшкөн сетыштлö
юр пöлас нэмсö дөлбитöм велöдöм. «За
царя»... Ставсö «за царя». И батьсö «по
указу царя» судитисны во джын кежлö
керка пасьта эрдтор вылысь казённöй мес-
таысь турун ытшкöмысь, и чожыс Васьлөн
кувлі «за царя», царскöй вина лавка спирт
помысь... И юрбит «за царя», и кув «за ца-
ря». И тайö сулалöмыс «за царя»?!

И сулалö, сулалö. А сы бöрын, войнас
нин (кор сэся узян), ковмас на вурлыны
гöгөр резьдалöм шынельсö, кодöс содтöд
талун отделённöй песігас-велöдігас кося-





ліс. Сэсса сы бөрын сапөг на весав... «Мед
вөлі дзирдалө!»— шуис взводной. Да, мед-
тыкө вөлі ортсысянныс югуд, пытшкөсас
көть нюр, няйтыс и ваыс сэні тыр.



Сёр ар ывлаын сулаліс. Зэр-лым веж-
ласис, кынгіс и көтөдіс. Войын кам кынмас
му, лунын — нильөг няйт. Гажтөма видзө-
дісны куш идза подъяс кар сайын, көні
велөдісны ратникъясөс абутөм врагөс кый-
өдны-луйлыны.

Кузь лун кыскасисны ратникъяс сирөд
вой му вывті, часъясөн вөрзьеодчывтөг
куйлөдасны. Гегдө ки-кок, турдө став ту-
шаыд, лы вемөдзыд йиджас чизыр уль
руыс.

Коръясөкө пыртласны казармаө, «сло-
весность» вылө пуксьөдласны. Сыысь му-
чение. Казарма: помтөм кузь, векньыдик
туннель кодь рөм-пемыд сарай. Стен пө-
лөн оръявлытөг няйт, буса наръяс. Наръяс
вылын сой кыза идзас снастьясысь кыөм,
сажень кузя, кык весът пасьта пластьяс.
Шушьө — вольпась. Куш, тыртөм, пемыд
стенъяс, Некытчө, нинөм вылө синтө чөвт-

лыны, тѳдмѳдыштны ни шойчѳдыштны,— юр вемлы, ни сѳлѳмлы сетантор абу. Сѳмын кѳнсюрѳ ѳшалѳны бѳлбан кодъ кѳдзыд чужѳма портретъяс царьяслѳн. Нар дорыш вылын дорала гильвидзѳны ратникъяс. Шѳртгъяс сѳмын векныдик туй потас «велѳдысьлы» ветлымѳн. Лѳнь, кылѳ, кызд вашкѳдчѳны идзас пѳвстын пытшъяс. Сѳмын кылѳ юасьѳмъяс отделѳннѳйяслѳн, взводнѳйлѳн: «кызд титулуйтны сѳйѳс да сѳйѳс?» да вочавидзѳм ратникъяслѳн: «его величество...» «его превосходительство...» «благородие...» «высоко...» «господин...» Помтѳг, дугдывтѳг, чуқыртѳм плешъясысь кѳдзыд пѳсь пычкѳмѳн ѳтитор дѳжналѳны. Колѳ тѳдны царсянь да медбѳръя ефрейторѳдз — быдѳнѳс нимѳн, вичѳн, чинѳн... И сувтѳны ратникъяс син водзѳ дорыв сюръяяс моз лѳвтѳм полѳкалѳяс — зарни погонъяса, кизьяса, шпагаа, шпюръяса бѳлбанъяс.

Тиралѳ, кѳдзыд пѳсьѳ шыбитѳ Васьѳс, мыйѳн сыѳдз ѳчередь висътавны воас. Сѳлѳмыс тѳпкѳ, тѳпкѳ, полѳмысла, бѳбмѳ дзикѳдз. Оз тѳд, а мый тѳдѳ, и сѳйѳ оз артмы, оз бертлась кывйыс... Бара на талун наказаниеысь не мынны — лыа тыра нопйысь, ужынтѳг узьѳмысь, видѳмысь-нѳйтѳмысь.

Сідз муштруйтисны-велөдісны врагос нөйтны, усьны-кувны. А код вөсна? Код понда? Известнө — «за царя», за Русь мун да усь! Сэссия нинөм эн юась! «Мый вөсна? Код вөсна?» Волас ратникъяс юрө мөвп да водзө мунтөг бөр чусалө-кусө, «Русь»?! Да коді нө Русьыс? Мыйла нө миянөс, комиөс, оз пуктыны өтвуйө роч йөзыскөд? Мыйла смекайтчөны миян вылын и мукөд ас сёрниа йөз вылын, тшөтш кодъясөс нуоны сійө жө Русь вөснаыс? Со и еврей-ясөс кедзөвтөны быд ногыс, увтөны «жы-дөн», сідзи жө, кыдзи и миянөс «морда-ясөн». «Абу өмөй өткодь мортыд?» «Да коді нө врагыс?! Мыйөн враг лои сэтшөм жө немеч-рабочөйыс, Австрияса крестья-ниныс?!» — тадз вензис вежөрыс аскөдыс Васьлөн.

Ывлаын төла, зэрө-слөтитө, өшиньясө швачөдө. Төлыс шутьялө гользьөм өшинь тас костьясөд, шуштөма ойзө — өвтыштлө-довкмунлө казармаын личкан сьөкыд сы-нөдыс. Сьылө-бөрдөдө, ловья вылысь водз-ыв гуалө шуштөм арся төлыс казармаө йөршитөм войтырөс...

Лун-вой коли. Тыри төлысь. «Велөдөм» помасьны пондіс. Маршөвөй рота гөтов. Тырмас. Дыр видзны нинөмла! Гөтов пуш-

ка яй... «Честь сетны» кужоны, тӱдӱны быд-
сяма «сиятельствоӱс» нимӱн, вичӱн, чинӱн,
кӱть найӱс синнаныс оз аддзывны-а, ку-
жӱны нин восьлавны «шуйга-веськыдӱн»;
военнӱй техникаысь — кужоны пезьдӱдны
пищаль; вом тырӱн горзыны «Ура!»; кыр-
нышӱс аэропланкӱд оз сорлавны... Мый
сэсья колӱ русскӱй салдатсянь? Мый оз
тӱдны — сэни, война вылас велаласны, оз
кӱ водтӱд медводдза неприятельскӱй пу-
ляыс, а усьӱ кӱ — роч царлӱн уна на эм
татшӱм пушка яйпуыд... — Сидз шуис-ре-
шитис начальство.

А ратникъяс пыр на виччысисны война-
лы пом. Быдӱн на надейтчис гортӱ волены.
Ыджыд эскӱмӱн думсьыс кевмысис Вась
абутӱм енлы. Эз кыв ен. Война эз помась.
Надея-вера ен вылӱ вочасӱн быри.

— Тыдалӱ, ӱтвылысь царыскӱд енмыс...

Эз кыв салдатлысь вир-синваӱн кевмӱм.
Эз кыв и гортсаяслысь (бать-мамлысь, ныв-
пылысь) заказа молебеньяс, кыз сисьяс,
«ен дорӱ» кӱсийӱмъяс... Нинӱм эз отсав.

Помӱдз доканайтисны Васьӱс. Няйтчис,
тойӱссис, лӱмӱссис, дзыкӱдз урӱсмис-вись-
мис, ӱдва лы-сьӱмыс коли. Ставнас пыр-
кӱдисны, мый вӱли Вась пытшкӱсын. Шуй.
Радлыны пондис смерть вылӱ весиг.

— Көть эськө регыдджык нин позиция
вылас... Матынджык нин пом.

Могмис Васьлөн колөмыс. Пасьтөдісны-
көмөдісны, висьтөдісны-дарйөдісны кувны-
ыс да маршөвөй ротаөн Васьөс төварышь-
ясыскөд мөдөдісны биө, джынвийө шуй,
нинөм төдтөм пемөсьясөс моз пушка яй
вылө.

...Кык лисьмө сөмын и гижліс Вась гор-
тас. Өтисө — места вылас воөм мыстынс
да нинөм эз кужлы шуныыс, дзоньнас тырлі
поклонъясөн, но поклонъяс вөліны гырысь-
өсь — «от неба до сырой земли»... Мөдсө
походө петан рытьянас. А гортсяныыс во-
ліс сыысь этша — өти, сідз жө поклонъяс
тырөн. Сы мында и лолі быд ставыс. (Гөль
олөм, жугыля кылөм-вылөм! Шуд-талантөг
морт нэм вуджөм! Нинөм төдчытөм нэм
пом!)

* * *

Вөлі прөщальнөй медбөръя рыт казарма-
ын. Аски югдөмөн тшөтш вөрзьөдчыны по-
ходө. Ратникъяс лөсьөдчисны, сөвтчисны,
гольөдчисны походной пөртъясөн, көрт
зыръясөн, палатка бедъясөн — дзимлялісны

топыдджыка. Разясисны, кӱртасисны. Шыб-
лалісны нопъясысь лишнӱй сьӱктаяс. Гижалісны гортъясӱ письмӱяс: бать-мамлы, чой-
воклы, ичмоньяслы, мусукъяслы... Лыддя-
лісны гортысь воӱм медбӱръя письмӱяс.
Вурсисны, дӱмсисны... Мукӱдыс, кодлӱн
эштӱма, прӱстӱ туплясисны нар вылын:
куритчисны, ызгисны, гудӱкасисны. Бус-
тшын сулаліс казармаын. Увтас арся шон-
дӱлӱн медбӱръя водса югӱръясыс сьӱкыда
пырисны ньылӱдӱм ӱшиньясӱд.

Вась сідзжӱ мыйкӱ ноксис, но нинӱм
киас эз пыр, коньӱрлӱн. Сэсся руз-паз кӱ-
луйсӱ колис да матыстчис аскӱдыс тшӱ-
тшъя Ваньӱ другыс дӱнӱ. Ньӱжӱӱник пуксис
сы дӱнӱ нар вылӱ, ышловзис да лӱня шуис:

— Вай меным письмӱ гиж...

— Ачыл ӱд тэ кужан.

— Ме ог. Менам оз артмы. Тэнад лӱсь-
ыдджык лӱӱ, — шуис Вась, дзигӱдіс Ваньӱс
да ырс нора бӱрддзис...

Улыс нар вылӱ кымыньӱн нюжӱдчисны
чорыл идзас жгут вылӱ кык друг да лӱсьӱд-
чисны гижны.

— Но, мый нӱ гижам?

— Ачыл ӱд бурджыка тӱдан тэ, — мен-
сьым и ассылд... — Вермис сӱмын шуныс
Вась да гижигчӱжыс пыр сыркъяліс.

Вылыс нар вылас йөрикайтчисны, кись-
тисны лыасö, буссö. Со, войтыштіс пöв кос-
тöдыс чайникысь ва, а недыр мысти тю-
рöбөн мöдіс визувтны гижысьяс юр вылö.
Но эз кöдзöд гижысьясöс нинöм — вывті
ыджыд нор шог гөррдзасьöма сьölöм гөгөр-
ныс кык друглөн да и быдөнлөн. Вир син-
ваён пыдзрасьö сьölöмыс Васьлөн, дрöж-
житö гижысьлөн кыс... А сэн ещö содтöд,
көнкö нар мöдар радас кылö сöдз тенор
гөлöсыс Медасов Вечөлөн. (Медбур сьы-
лысьыс сійö артель пöвстаныс.) Сьыліс
сійö öні салдатлы медматыса, инмана сьы-
ланкысö, көні кылö став шогыс, весь вир
кисьтöмыс важ Россияса салдатлысь Япо-
ниякöд колян, ковтöм войнаас. Сійö жö вö-
лі тыдалö-кылö и тайö войнаын...

Пла-а-а-чет о-те-ец,
плачет же-на-а мо-ло-да-я... —

сьылö Вечö, нормöдö сытöг нин нор кыла-
на сьölöмъяссö ратникъяслысь.

...Злой рок и судьбу проклиная...

И вочасён казармаын зык-ызгём надз-
мис, лөнис да дзикöдз кусі; усины öтка

гор-шыяс — сетчисны Вечö сьылöмлы да Вась кылöмлы... Ставнысö пököритис-вермис öтмоза кылöм, пленö босьтис песня.

— Вай дугды нин, другö. Став сьölöм жугöдин... — шыасис кодкö ратникъяс пöвстысь, но сэтшöм шыөн — не то öлöдис, не то тшöктис водзö на сьывны.

А сьылысь эз лөнъ, пыр öтарö босьтчис и босьтчис. Эз öтнаслы сийö сьыв, сьылис ставныслы. Вайöдис син водзаныс бөрö кольöм том гаж олöмнысö, сысь гаж бырöмсö, сийöс бергöдны позьтöмсö, став шогпечальсö. Но сийö нор кылöмкöд песня кыпöдис кытыськö пыдысь вочасөн мöд пöлöс кылöм тшöтш — лөг кыпалöм тайö шогсö вöчысьяс вылö. (Легальной песня кывъясö сьылысь кужис суйны тöдлытөг шытöv ворсöмъяснас мöд, аслыс колана смысл.)

Пыралисны, кылö, казарма мöдар помас кадрöвöй ротной фельдфебелькöд. Кывлис кодлөнкö слабеник горöдöм: «Встать!.. Смирно!..» Но некод эз сувт мукöд лунся моз, эз весиг вөрзьöдчыв. Некод тöдлытөг найö петисны бөр, быттьö эз и пыравлыны.

А Медасов водзö нин сьылис. Крепаммис, зумаммис, ёнмис гөлöсыс. Ыли, пыди грöзбаа шыөн нин кылис, кöсйысис босьтны став

ШОГСЬЫС, СИНВАСЬЫС КОДЛЫСЬКӦ ВОДЗӦС:

...Но мы за вас отомстим...
И справим кровавую тризну...

Кыліс нин тан, кызд саридз гы ызгӧм-лӧн, пыдісянь кыпалан лӧгалан шы. Тадз шувгыштли-сальмыштли нэм узысь вӧр-пу йыв ылын локтысь ыджыд тӧв ныра гым водзын, медводдза тӧвру пӧлыштӧм улын.

(Тӧдӧмӧн-ӧ, тӧдтӧг — кӧйдыс уськӧдӧма. Кӧтӧдӧма салдат вирӧн да синваӧн пӧтшвасӧ. Мед кӧть сійӧ, пӧтшваыс, и кын на, лым улын, но коркӧ татчӧ петас шонді да инмас ловзьӧдан югӧрыс сылӧн...

Ок, песня, песня! Ссыланкыв, сьылӧм! Сьылӧм, сьылӧм! Мыйяс он вермы морткӧд вӧчны тэ?! Ок, коньӧр Россия империя! Нинӧм тай тэнад, шог сьылӧм кындзи, эз вӧв! А сэні олысь йӧзъяс и сійӧс (шогсӧ) эз кужлыны, эз вермывны висьтавныыс, ни сьывныыс. Нинӧм налӧн эз вӧв — нинӧмсьыс-нинӧм, вӧр пиянлӧн. Вӧлі сӧрни, кыв, но вӧлі — немӧй! Пемӧс! Кывтӧм! Гижӧд ни сьылӧм... И мый вӧлі керны Васьлы да мукӧдлы?! Кызд висьтавны, мый сылӧн пытшкӧсас эм? Сӧмын ӧтитор — бӧрдны. Бӧрдны ас пик вермытӧм вӧснаыс. Бӧрдны сы

понда, мый оз вермы шуныс, кызд мый кылö пытшкөссыйс асыйс.)

Помасис песня. Орины сыйлысьлөн горшы везьясыс, но шытөвъясыс пыр на довкъялісны казарма сынöдын, печатайтисны-йиджисны юр вем визьясö, сьölөм везьясö... Помалис нин гижысь письмөсö. Гижис сійö Вась нимсянь.

«Муса чойöй, Марьяöй! Гижа ме гусьöник тэныд ас йылысь... Ок, кутшөм меным шог, тöдан кө тэ! Сьölөмöй оз инась. Тани некутшөм правда абу — видöны, нөйтöны, накажитöны, да и енмыс, тыдалö, абу, — война оз помась. Дзикөдз нин ме висьми — кокъяс юкалöны, бокöй да морөсöй дугдывтөг бытшкө; больничаö вөзйысьлі — оз лэдзны, нинөм оз веритны. Сапөгöй восьса, кок век кынмө, көлуй оз косьмыв — аслад яйнад и косьтан вылысад. Дзикөдз гөгөр жугали, коркө көть и вола гортö — дзоньвидзалун оз ло. Эг на пывсьылöй, тойыс выліад лыа мында. Сідз и гымзасьö... Да мый нин и шуан! Көлуйөс ставсö нин вузавлі да сөйи. Коли толькө тэнад вышивайтөм носөвöй чышъяныд. Тэ дзоля на, чойö. Велөдчы да сюсьмөдчы. Век татшөм олөм оз ло, коркө сувтлас жö правдаыс му вылас. Война помасяс, да локтам бөр гортьясö... Кутянөс

эн на некытчö сетöй, мед олас. Зэв ёна гаж быри быдöнысь и быдторйысь. Ок, кутшöма эськö ме öнi, гортын кö, уджала, медсьöкыд уджсö му вывсьыс кера, тайö проклятöй служба дорсьыд! Сэтчö сьöлöмöс толькö и йита, мый ме тан абу öтнам, ог öтнам тайö мукасö терпит. Аски мянöс мöдöдöны нин сэсса татысь, позиция вывсянь нин сэсса гижа. Ми ас вöлöсьтувса ставным на öтла-ынöсь. Некодлы абу нимкодъ тайö войнаыд, ставныслы зэв шог. Талун медбөръя рыт танi казармаын, а аски-аскомысь би улын нин лоам, и код тöдас, мый лоö. Но, прöщай да прöстит, муса, дона чойö! Тэнад вок Вась. 29 лун ноябрь, 1916 во.

Адресöс öнi ог на тöд, кытчö веськалам— кутшöм полкö, кутшöм ротаö. Юöрта сэсянь. Прöщай!»

* * *

...Эз и волы Вась гортас. Кыдз эз волены гортаныс уна-уна морт Вась коддемыс шойна поле вылысь. Весиг адресыс эз ковмывлы сьлөн, кодöс кöсьысьліс ыстыны бөръя письмöас — медводдза бояс жö и сутшкысьліс-усьлі тövзьöм турун моз.



Весь виччысис Васьӧс кутяныс. Никсіс лунъясын жытник улас, нораа омляліс вой-ясын.

Дыр виччысис Васьлӧн чойыс. Вокыслысь мӧдӧдӧм письмӧсӧ джадж пельӧссыс судзӧдас да помтӧг лыддьӧ, кыз лысва кӧтӧдас синъяссӧ.

...Нӧрыс бокшаын, гож водзын, Рас ёль шор дорын, жугыля сулалӧ кымынкӧ керкаа Пасынӧк сикт. Чешкыля козьяс да нӧгыль бока сус пуяс ӧткымынлаын ӧшинь ув йӧръясын сулалӧны гу выв памятникъяс моз да казьтывлӧны усысыясӧс. Со — тайӧ керкасыс абу дзонь верстьӧ морт, эсійӧ керкасыс — мӧд, сэтысь усьӧма коймӧд, нельӧд... Усьӧмаӧсь ылі шойна поле вылӧ, во-лывтӧм вылӧ.

Коді пальӧдас тэнсьыд нор шогтӧ, рам жугыль чужӧма сиктӧй?!

ОДИН ИЗ ТРИНАДЦАТИ МИЛЛИОНОВ

Отрывок из повести «Шойна»

...В осеннюю, как сажа темную, ночь приехали наши земляки в один из маленьких уездных городков юго-запада России. Здесь стоял их полк. Пополненцев высадили из тряских вагонов-теплушек и, как овец, погнали в другой конец города. По колено в жирной грязи брели по середине улиц, с котомками из белого домотканого холста... Молчаливые, нахмуренные... Исчезла разговорчивость, пропала последняя надежда на возврат домой. Как осенняя темная ночь, жутким и темным казалось их будущее.

Город уже спал... Нигде ни огонька. Только в конце города на бульваре, под высоко поднятыми оглоблями телег и возле колес слабо светились потухающие костры. Это «беженцы» — крестьяне, бежавшие от войны, — лагерем расположились на ночь... Порой доносились оттуда жалобный плач детей и ржанье лошадей, стосковавшихся по своим родным, привычным стойлам.

Вот и казармы. Далеко раскинулись облезлые грязные, как бы вылинявшие, корпуса. Со всех четырех сторон протянулись они, словно огромные черные гробы. В середине — плац: плотно утрамбованная солдатскими подошвами земля. Грустно смотрели на ратников строения с темными окнами, напоминавшие тюрьмы...

Завели в один дом. По широким, скользким от грязи лестницам поднялись на верхний этаж. Непроветривавшейся с самой постройки казарм холодной сыростью повеяло от покрытых плесенью стен и потолков.

— Ну-ууу!.. вот так попали в яму!.. — тяжело вздохнул кто-то из ратников.

— Здесь нас и будут держать?.. В таком гробу?..

— Не долго продержат... — сами же себя успокоили.

Не раздеваясь, легли на голый пол, подложив под головы свои котомки, и под черным пологом ночи сыновья народа коми, пригнанные сюда с далекого Севера, уснули крепким и тревожным солдатским сном.

Не спал один Сергей Вась. Не мог он сомкнуть своих глаз и потихоньку всхлипывал, уткнувшись в холст своей котомки. Неспроста, должно быть, плакал он: видно, предчувствовало его сердце, что здесь ожидает беднягу.

Не первый человек здесь был Вась да и не последний из коми, — шестисотый ополченец он из одной только своей волости. Многих угнали на войну: и старых, и молодых, и раньше его, и после. Но очень уж мягкосердечен и чувствителен был Вась, впервые вышедший за пределы своего лесного края. Никак не мог примириться он с этой жизнью, не мог себя приспособить к заведенным в армии порядкам...

...Рано утром, едва небо начало бледнеть, послышался дикий выкрик дежурного: — Встава-аай!

Как будто откуда-то сверху свалился

этот голос. Тем, кто был непривычен к таким возгласам, показалось, словно кричали: «пожар». С испуганными лицами, с дрожью в сердце вскочили ратники. И долго еще после этого не могли они привыкнуть к этому дикому, — и, главное, совершенно ненужному, — сумасшедшему крику дежурных. Но таков уж был «порядок». Так начиналась боязливая солдатская жизнь.

Начальство приступило к переделке пополненцев из «мерзлых пней» в «лихих солдат». Свою одежду заставили снять, выдали лоснящиеся от грязи, непригнанные по росту шинели, сидевшие на ратниках вроде поповских подрясников. Пальто, пиджаки, сапоги, — все это за бесценок пришлось продать своему же кадровому начальству: взводным и отделенным. В несравненно меньшем масштабе, но и их, как Круппа, обогащала война. Каждая вновь прибывшая партия была им на руку: целыми охапками покупали они вещи новобранцев и спекулировали ими на базаре, продавая их втридорога, а что получше — посылали домой, копили на будущее, когда война окончится. Никто из молодых солдат, впрочем, и не подозревал об этой торговле: им первое время было запрещено выходить из своих казарм.

Тяжело было Васю расставаться со своими вещами: ведь они были последней его связью с родными местами, с домашней жизнью. Однако пришлось. Котомки ратников с домашним хлебом, и те не уцелели. Как только они опустели, их разрезали на портянки, и после этого ничего уже домашнего не осталось; разве у кого-нибудь сохранился носовой платок или кисет для табака, как последнее воспоминание о жизни, оставшейся далеко позади.

Начали муштровать — «учить»: выпрямлять горбы, сближать широко расставленные, как оглобли сохи, ноги, запрокидывать голову, «подтягивать» живот, менять походку, требовать «молодцеватой выправки» и статности. Целыми часами, до того, что икры ног начинали опухать, заставляли унтера топтаться на одном месте, добиваясь четкости и звучности шага.

Всю жизнь люди прожили, ходили, стояли — и все ничего, а тут и стоять, оказалось, не умеешь, и ходить: ноги заплетаются, руки как будто не свои, зря болтаются, — все стало неладно. Чуть голову повесишь — по щеке съездят, чуть сгорбишься — кулаком звезданут, если немного выставился —

коленом пнут... Как у катальщика каток по валенку, когда придают ему фасон колодки, так ходят кулак начальника да приклад унтера по солдатскому телу. Ротный офицер всегда ходит с нагайкой в руках. Когда он вышагивает перед рядами солдат — обязательно ручкой нагайки кому-нибудь о кость щеки звякнет, а когда сзади проходит — ножнами шашки тычет их в места неудобосказуемые...

Особенно крепко попадало Иван Ёгору и Сергей Васю. Недаром оба они были самые смиренные и безответные из всех. Так уж повелось в проклятое старое время, когда все понятия были словно вывернуты наизнанку: чем смиреннее человек, чем он слабее, беднее, чем послушнее, прилежней, темнее, безграмотнее, — тем сильнее будут его угнетать, превращать во выючную скотину, топтать в грязь его человеческое достоинство, его душу. А что эти смиренные да темные бедняки честнее и прямее многих богатых и сильных, — разве об этом кто думал?

Оба были неграмотны. Ёгор совсем не учился, Вась немножко знал грамоту, — «для себя», как говорится, — но по-русски не понимали ни тот, ни другой.

— Эй ты, самоедская морда!.. — любил покрикивать на Вася или на Ёгора, когда у них что-либо не выходило, малорослый унтер с поросячьими глазами.

— Мы не самоеды, а... — заикнется, бывало, кто-нибудь из группы, но сразу же смолкнет от нового окрика:

— Разговорчики? Молчать!.. Все равно скоты!..

До упаду заставляют взводные бегать из-за каждой пустячной провинности: за то, что шагать, как полагается, не умеешь, левой-правой ногой не вовремя ступишь, честь отдать не сумеешь, — да мало ли провинностей у загнанного, затурканного новобранца найти можно?

Отделят Вася от других и давай гонять, как жеребенка: «Ать-два, ать-два... Левой!.. Левой!..» Далеко заставят бежать. Да что — что далеко! Вась рад бы еще подалее убежать, чтобы только хоть на миг не видеть ненавистного лица, не слышать голоса своего мучителя. Но строгий, заставляющий вздрагивать окрик взводного поворачивает его обратно: «Кругом!» Заставит добежать до себя, и опять: «Кру-гом!» Запыхался уж

Вась, в боку колет, сердце вот-вот разорвется, перед глазами темно; спотыкается и снова бежит, мысленно подсчитывая, чтобы проклятые ноги не спутались: «ать-два, три», «ать-два, три»... И после каждого «три» непременно себе под нос тихонько добавит: «тщетыре»...

— Тщетыре... тщетыре... тщетыре... — шепчет Вась, прихрамывая на бегу на левую ногу. Грустно и жутко было смотреть на него в эти минуты.

И при стрельбе в цель Вась никогда не попадает, — рука дрожит. А ведь дома как он любил свое маленькое опрятное ружье да как стрелял из него, охотясь на белку или рябчика! Ни один заряд впустую не выпускал, а тут — на тебе, не попадает!.. Не попадает у Вася и острие штыка в чучела, сделанные из соломы, на которые новобранцы идут «в атаку»: и тут у него дрожит рука, будто живого человека колет, — непременно в сторону попадет, либо едва прикоснется концом штыка к соломе. За это Вася опять «греют».

А вечером — «под ружье». Насыпят Васю полный вещевой мешок песку и поставят в холодный коридор. Стоит «лихой

солдат» неподвижно, как столб, только горбится постепенно. Еще бы! Как свинец, давит его полуторапудовый мешок; как острые ножи, режут тонкие лямки мускулы плеч. А тут вдобавок еще двенадцатифунтовую винтовку надо держать прямо в руках. Руки отекают, ногигибаются, — вот-вот упадет «лихой солдат». Хоть бы чуть-чуть прислониться к стене! Да куда там прислониться: дверь канцелярии приоткрыта, оттуда все видно. Чуть что — сразу крикнет взводный: «Пряма-а!»

И стоит и стоит Вась. Сам не замечает, как слезы капают из глаз. Сквозь мокрые ресницы чудится ему, как будто виднеется родная деревня, возле самого косогора над тихо журчащим ручьем Рас-ёль, — такая тихая, такая любимая, такая невозможно далекая, вся в невозвратимом уже прошлом!..

«За что? За какое же преступление?»

Не может понять этого Вась, но сверлит его мозг назойливый, въедчивый вопрос:

«За что?»

«За царя...» — тяжелым молотком стучает по голове мысль, которую вдалбливали в него всю жизнь. «За царя». И отца его «по указу его императорского величества»

засудили на полгода за то, что скошил сено с казенного луга — с участка шириною в избу; и дядя у Вася помер «за царя», опившись спирта из царской винной лавки; и молись «за царя», и умирай «за царя»... Да еще и стой теперь «за царя»!

• И стоит и стоит Вась...

А после, уже ночью (когда спит солдат — неизвестно), придется еще зашивать кругом распоровшуюся шинель, которую Васю сегодня разорвал отделенный во время ученья-мученья. Затем сапоги еще начистить... «Чтоб блестели!» — сказал взводный. Да, снаружи-то чтоб блестели, а внутри что — какое дело взводному? А там болото настоящее: и грязи и воды в них полно, только что мох не растет...

Стояла поздняя осень. Дожди чередовались со снегом: один день морозило, другой мочило. Ночью земля превращалась в камень, а днем в скользкую грязь. Уныло выглядели давно уже сжатые, опустелые поля за городом. Теперь на этих полях ратников учили выслеживать и стрелять в отсутствующего врага. Жирные вороны летали над полями «Труп!.. труп!..» — карка-

ли они. Целый день носились ратники по вязкой земле; часами заставляли их лежать без движения. Каменели руки, ноги, коченело все тело, до мозга костей проникала знобящая осенняя сырость.

Иногда загоняли солдат в казармы: «словесность подзубрить». Мученье от нее, от этой словесности — еще пуще!

Казарма — полутемный сарай, вроде бесконечно длинного, узкого тоннеля. Голые, пустые темные стены. Вдоль стен грязные, пыльные нары. На нарах сплетенные из соломенных жгутов пласты в сажень длиной и в две четверти шириной. По названию это матрацы, а на деле — черт знает что... Не на чем остановиться глазам, отдохнуть, посмотреть; ни уму, ни сердцу ничего не дают кое-где висящие портреты царя с бессмысленным лицом выродившегося кретина. В царя же упиралась и вся наука солдатской словесности, призванной вымуштровывать мозги защитников чугунозадой Российской империи.

На концах нар тесно, плечо к плечу, непрерывной линией сидят ратники. Посередине — узенький проход, в нем ходит «учитель». Тишина такая, что, кажется,

слышно, как шуршат в соломе матрацев бесчисленные блохи. Уныло и однообразно прерывают эту тишину надоевшие вопросы: как титуловать того или этого генерала. Спешат ратники показать свою лихость в заученных ответах: «его высочество»... «его превосходительство»... «благородие»... «высоко»... «господин»... Бесконечно, беспрестанно, неизменно долбят все одно и то же. Надо же знать доблестному солдату российскому всех своих начальников, начиная с царя и кончая самым последним ефрейтором, — каждого по имени, отчеству, чину!.. И встают перед глазами ратников, как верстовые столбы на бесконечной дороге, бездушные чучела с золотыми погонями, пуговицами, шпагами, шпюрами.

Дрожит Вась, в холодный пот бросает его, когда до него дойдет очередь отвечать. Сердце с испугу трепещет, — совершенно теряется Вась... Забывает, что знал, и получается вовсе не то, что надо, а то и совсем не поворачивается язык... Сегодня опять не миновать наказания: мешка с песком, сна без ужина, брани, побоев.

Так муштровали: учили бить «врага» — «внешнего и внутреннего», «погибать с чес-

тью», «умирать на поле брани». А из-за кого? Ради чего? Известно: «за царя», «за Русь»! За них иди и умирай — и баста: ведь потом уж ничего не спросишь.

«Почему? За кого?» — придет иной раз мысль в голову ратника, но на этом и замирает. «Русь?» — прошепчет Вась чужое, непонятное слово. — Да кто же эта Русь? Где она?.. Почему нас, коми, не ставят вровень с русскими? Почему издеваются над нами, как и над другими «инородцами», которых тоже гонят на убой за эту же «Русь»? Вот и евреев тоже всячески притесняют, лают их «жидами», как нас «мордами». Но разве не «Русь» и русские крестьяне, которых тоже лупят не хуже нашего? Разве не одинаковые люди? И кто же враг наш?.. Почему это мне, Васю, стал врагом тот же рабочий-немец или крестьянин-австриец?..»

На улице ветер, идет осенний дождь, пополам со снегом, и бьется в окна. Ветер свистит через щели в оконных рамах, жутко воет в печных трубах, дует в казарме, волнаминося затхлый, давяще тяжелый воздух. Поет ветер, точно оплакивает, заранее живыми хоронит загнанных в казарму, оторванных от семьи людей...

День шел за днем, ночь за ночью. Прошел месяц. «Учение» подходило к концу. Маршевая рота была сформирована.

— Довольно! Не для чего долго держать! Готово пушечное мясо! Свеженькое! Нечего его здесь гноить! Честь отдать умеют, сиятельства всякие по имени-отчеству, чину знают, — даром что никогда их и в глаза не увидят; умеют шагать «левой-правой», из военной техники знают, как спустить курок винтовки, во все горло кричат «ура», ястреба с аэропланом не путают... Что же еще надо русскому солдату? А коли чему не доучились — на войне доучатся, если их не уложит первая же неприятельская пуля! Ну, а и уложит — тоже не беда: у русского царя много еще такого «пушечного мяса».

Так решило начальство.

А ратники все еще ждали окончания войны. Каждый надеялся вернуться домой. С большой верой молился Вась несуществующему богу. Но не услышал его бог: война не кончилась, и надежда на него постепенно исчезла.

— Видно, заодно с царем и бог!..

Не слышал бог мольбы солдата, не видел его кровавых слез, не принимал заказ-

ных молебнов, толстых свечей, даваемых домашними обетов сходить в Ульяновский монастырь, этот центр «православной» пропаганды среди коми... Ничто не помогало...

Вконец доконали Вася: зачах, завшивел, покрылся коростой, совсем заболел, — один скелет остался. Все вытрясли, что было в Васе, в труп превратили. Даже смерти грозившей стал радоваться.

— Хоть бы скорее на позицию, что ли! Скорее уж конец!

Исполнилось желание Вася. Одели, обули, исповедали-причастили: приготовили умирать по всем правилам, и маршевой ротой Вась с товарищами отправился на фронт — под огонь неприятельских орудий.

...Два письма только и написал Вась домой. Одно — по прибытии в казарму, но ничего в нем не сумел он написать: все письмо было полно поклонами, и хотя поклоны были большие — «от неба до сырой земли», а толку в них не было. Второе — накануне выступления в поход. А из дому получил и того меньше, — одно и также полное «поклонами». Да и о чем писать было? Все та же горькая жизнь дома, грусть-тоску навевающая. Без счастья здесь прожит человеческий век. Таким же горьким будет

и ничем ярким не запечатленный конец его.

...Последний вечер в казарме. Завтра с рассветом — в поход. Ратники готовились: укладывались, звякали походными котелками, заступами, колышками палаток, свертывали плотнее, завязывали-развязывали без конца... Побросали из котомок все, что могло оказаться лишней тяжестью. Писали письма домой: родителям, братьям, сестрам, женам, зазнобушкам... Читали последние письма, полученные из дому. Зашивали, чинили... А кто уже все приготовил, те просто валялись на нарах: курили, шумели, играли на гармониках... Пыль столбом стояла в казарме, махорочный дым волнами крутился в последних горизонтальных лучах низкого осеннего солнца, с трудом пробивавшихся через запотевшие окна...

Вась тоже что-то копошился, но у него, у бедного, все из рук валилось. Наконец оставил он разбросанные вещи и подошел к своему другу и сверстнику Ване. Медленно сел к нему на нары, тяжело вздохнул и сказал тихонько:

— Напиши мне письмо...

— Ведь ты же сам умеешь?..

— Не умею!.. Не выходит у меня... У

тебя лучше получится... — почти шепотом сказал Вась, обнял Ваню и вдруг зарыдал...

На нижних нарах, ничком, растянулись два приятеля на жестких соломенных жгутах и приготовились писать.

— Ну, что же напишем?

— Сам ведь ты лучше знаешь и мое и свое... — только и смог сказать другу Вась. Пока писалось письмо, он все время плакал.

На верхних нарах возились: оттуда сыпался песок, пыль. Вот пролилась в щель между досками нар вода из задетого ногой чайника и струей хлынула на головы пишущих. Но не охладила их вода — слишком велика была грусть на сердце двух приятелей, как, впрочем, и у всех других. Вась еле слезы утирает, дрожат руки пишущего. А тут еще, вдобавок, где-то во втором ряду нар слышен чистый тенор Медасова Веча, лучшего певца во всей их артели. Пел теперь он для отправляемых на фронт солдат самую близкую, самую волнующую их песню, песню, в которой вылилось все горе, все отчаяние, накопившееся в сознании солдата царской армии за все время бессмысленного кровопролития в никому не нужную войну с Японией. А вот теперь то же самое повторяется и в эту войну.

...Пла-а-чет о-те-е-ец мой,
Плачет же-на-а мо-ло-да-а-я... —

поет Веч, растравляя и без того полные болью и невыплаканными слезами сердца ратников.

И постепенно галдеж в казарме уменьшается. Наконец он замолкает совсем. Вот прекратились даже отдельные возгласы, — все отдалось пению Веча, все переживали чувства, выливавшиеся в его пении, всех заполонила эта песня.

— Перестань, милый! Перестань, дружище! Все сердце расстроил... — сказал кто-то из ратников, но таким тоном, что нельзя было понять — не то он останавливал, не то просил продолжать пение.

Певец и не думал переставать; напротив, все больше и больше входил он в азарт. Не для себя одного он теперь пел, — он пел за всех и для всех. Представил он себе, как проносятся сейчас перед их мысленным взором оставшиеся далеко позади годы молодости, годы — немногие годы! — веселой жизни. Ясно ощутил он острую тоску их по этой жизни, невозможность вернуть ее

и всю грусть-печаль настоящего. Но вместе с этим грустным чувством песня поднимала откуда-то из глубины души жившее где-то в тайниках сознания ратников чувство иного рода — чувство, зажигавшее их ненавистью к виновникам векового народного горя. В слова легальной песни певец незаметно сумел вложить другой, нужный ему смысл. Слышно было, как заходили в другой конец казармы ротный с фельдфебелем. Послышался было чей-то слабенький крик: «Встать... Смирно!..» — но никто не встал (не то, что в другие, обычные дни), никто даже не пошевелинулся. Никто не заметил, как они вышли обратно, будто не заходили.

А Медасов пел дальше. Все крепче и вернее становился его голос. Далекая, глубоко затаенная, но нарастающая, как шум прибоя в море перед непогодой, звучала в его песне угроза: за горе, за слезы, за многовековое угнетение — за все потребовать с кого-то расплаты.

**Но за вас мы, друзья, отомстим!
Справим кровавую тризну!**

Здесь уже ясно слышались, как изда- лека доносящийся шум разбушевавшегося моря, ноты народной ненависти. Так иногда в лесу перед большой бурей шумят, просы- паясь от вечного сна, верхушки задремав- ших деревьев.

Сознательно или бессознательно, но семя брошено, и почва орошена кровью и слезами солдат. Пусть она, эта почва, пока что мерзлая, под снегом, — но ведь когда- нибудь и здесь взойдет солнце и упадет и на эту землю его оживляющий луч!

Эх, песня, песня, песня сердца! Чего не сможешь сделать ты с человеком?! Бедная ты, несчастная «Российская империя»! Ни- чего-то у тебя не было, кроме песни, кроме горя да жалоб! А народности, подвластные тебе, те и о горе-то своем не умели, не могли ни рассказать, ни спеть! Ничего у них, у сы- нов леса, не было, ничего-ничегошеньки! Был, правда, говор, язык, — но считались они немыми. Животными без языка. Ни письма у них не было, ни песни...

И что же было делать Васю и другим?.. Как рассказать о том, что у них внутри де- лается? Только и оставалось одно им — пла- кать! Плакать от своего бессилия, от неуме-

ния не то что найти, а даже искать выход. Плакать потому, что не можешь сказать, как и что ты чувствуешь, что волнует, что мучает тебя.

Кончилась песня. Оборвались у певца струны голоса. Но отголоски пения все еще звучали в воздухе казармы, все еще отпечатывались в извилинах мозга, в сокровенных уголках сердца...

Кончил и пишущий письмо. Писал он от имени Вася:

«Муса чойэй Марьяэй! Гижа ме тэныд, гусьэник ас йылысь...»

«Милая сестра Мария! Пишу тебе тайком о себе. Ох, как скучно, если бы ты знала! Сердце не находит места. Здесь никакой правды нет: ругают, бьют, наказывают, да и бога, видно, нет — война не кончается. Я уж совсем заболел: ноги ноют, в боках и в груди непрерывно колет; просился в больницу — не пускают, ничему не верят. Сапоги совсем изношены, ноги все время зябнут, одежда никогда не высыхает — своим телом и сушишь на себе. Я кругом разбит, если когда-нибудь и вернусь домой — здоровья не будет. Еще ни разу не бывал в бане, вшей

на мне, что песку, так и кишит... Да что уж и говорить! Вещи свои все уже распродал и проел. Остался только вышитый тобой носовой платок. Ты еще мала, сестра. Учись, набирайся ума. Всегда такая жизнь не будет, когда-нибудь ведь будет же правда на земле; война кончится и приедем обратно домой... Кутяна* никуда не давайте, пусть живет. Очень соскучился по всем и по всему! Ох, как бы я теперь, если бы был дома, работал — самую тяжелую работу на полях делал бы вместо этой проклятой службы! Только еще на том сердце и успокаивается, что я здесь не один; не один терплю эту муку. Завтра нас отправляют отсюда, с позиции уж потом напишу. Мы все из своей волости пока еще вместе. Никто не рад этой войне, всем очень тяжело. Сегодня последний вечер здесь в казарме, а завтра-послезавтра под огнем уж будем, и кто знает, что будет... Ну, прощай и прости, милая, дорогая сестра! Твой брат Вась. 29 ноября 1916 года».

* Кутян — собака-лайка, щенок.

«Адреса теперь еще не знаю, где будем, в каком полку, в какой роте. Извещу оттуда. Прощай».

...Так и не вернулся Вась домой, как не вернулись и многие другие, вроде Вася, с этой проклятой «шойна». Даже и адрес, обещанный в его последнем письме, не понадобился. Пал он в первом бою, как сорванная и неизвестно куда унесенная ветром безвестная травинка.

Напрасно ждал Вася его Кутян — любимый друг на охоте и дома. Скулил Кутян днями и ночами под подмостками амбара.

Долго ждала Вася и его сестра. Достанет посланное братом письмо с угла полки и бесконечно читает; густой росой покрываются ее глаза.

...На косогоре, на солнечной стороне, около ручья Рас-ёль, грустно стоит деревенька Пасынок, всего в несколько домов. Ветвистые ели да кедры кое-где под окнами домов высятся, как памятники над могилами, и напоминают о павших. Вот из этого дома нет уже в живых здорового, работа-

щего человека, из того — пал другой, отту-
да погиб третий, четвертый... И все они
пали на далекой неведомой «шойна», ушли
и не вернулись.

Кто же развеет твою горькую горе, смир-
ная, покорно-жалобная, жалкая, затерянная
деревенька?..



ТРИПАН ВАСЬ

... Сійö воö (19-öд) тулысыс водз лок-
тіс войвылö... Водз и муніс туруныс-нянь-
ыс, быттьökö тöдіс ывлаыс йöзыслысь
ыджыд тшыг пыкөмсö — тэрмасис регыд-
джык отсыштны. Лым сылөмсяньыс повод-
дя сулаліс öтырыш бур. Зэрыс кötөдіс, шон-
діыс — пöжис. Долады ворсөдчис ывла. Öти
кунөр оз удит вешйыны, локтö нин мөд:
пожныштас-зэрас, коблас да — бара. Пöж-
сьö, пошиктö му — вөтлө.

Нюмъялісны видзьяс, ыбъяс. Тыр мо-
рөсөн лолаліс вөр. Быдмис-тjувгысис пу.
Быдмис быд вотös, пуктас...

Гожөм нин пуксис. Матысмö ытшкан-
дыр...

* * *

Трипан Вась ыб вылө кайліс, кытшов-
тіс, видлаліс көдза муяс.

«Ссс-ссс.. Ссс-ссс...» — кышөдчө, шы
сетö ыб вылын шеп, мортлы надея овны пыр
водзö на көсйö. Копрасьö сю, вашкөдчө
ид — көсйөдö йөвваа, азьваа шыд... (Кузь

ускӱй, дженъд мывкыдӱй, идӱй! Ёна жӱ
пӱръяслан тэ: кодыркӱ весът кузя сӱмын,
кодыркӱ усьӱмыд — тушатӱ он вермы кут-
ны; во кост мысьт кынман — он удит воны...
Во — не во тэныд! Куйӱдсӱ сюян тэд, трун-
даӱн суктан, быдторсӱ му пыткад крестья-
нин кундас, — мусӱ кӱть асьсӱ нин сорӱ-
мӱн сӱй!.. Дрӱча тэ, сэсса со нинӱм. Орчӱн
со тонӱ сулалӱ сю, выныс нӱ сылӱн весиг
джын мында абу, но быдмӱ тай, нинӱм оз
шу...)

Тадзикӱн кылӱмӱн-думъясӱн Трипан
Вась кытшлалӱс-видлалӱс идъяс да сюяс,
кӱсӱысис аслыс водзӱ на сю кӱдза вӱчыш-
тны...



Водз на катӱс Вась ю йылӱ пуктысьны.
Некӱн на некод оз вӱлӱ куран-косаӱн вӱ-
рӱшитчы. «Катла, горт гӱгӱрын пуктысь-
ны заводитгӱдз кӱть додь-мӱд турун вӱчыш-
та», — шуӱ Вась гортсаыслы. Аслас нӱ юрас
мӱдтор тшӱтш вӱлӱ: Вась тӱв шӱрсяныс
нин видзӱ гортсасыс гусьӱн пуд джын мын-
да сю кӱйдыс — сӱйӱс вӱлӱ сылы колӱ кыт-
чӱкӱ инавны. (Тылаяс вылӱ кӱдзны йӱзыс-

лөн сю кӱйдыс эз вӱв, да и лӱсьӱдтӱм вӱлі кӱдзаніныс. Ыб вылӱ кӱдзны вӱлі быдӱн надейтчӱны выль воан нянь вылӱ. Кодлӱн-кӱ кӱть вӱлі и торйӱдлӱма да кольлӱма, — важӱн нин быри, кысь бара верман терпитны; но Васьлӱн ыджыд терпеньеӱн да пыді кӱсйӱмӱн ӱнӱдз на оліс, а водзӱ оз тӱд — вермас оз помӱдз кутчысьны...)

— Ті тані корӱсьнытӱ вундалыштанныд да, мый да, а ме сӱк кості и вола, — шуӱ гӱтырыслы Вась.

— Но да катлы, эськӱ, верман кӱ да... Ме ог кут... Нинӱм тай абу туй вылад пуктыныд-а... Мый нӱ босьтан сӱйныыд? Нинӱм ӱд абу пусяныд вылӱ, шыдӱс ни пызь.

— Пусяныд ваас, — шуыштіс Вась. — Пукты, мый эм, абусӱ ог тшӱкты. Ог тӱд али мый абусӱ?

Сӱвтис гӱтырыс пестерӱ кач папурки няньяс, пуктыштис туисӱ йӱв, сӱсся и нинӱм. Босьтис Вась пӱрт, лӱчтан, коса да чер. Босьтис ещӱ ведра пӱла туис ки йылас.

— Сы ыджда туиссӱ нӱ мый керны босьтін? — казяліс гӱтырыс туистӱ да юаліс Васьлысь.

— Черитӱ нӱ пуктыштны? Тіянлы гӱснеч вая, — правдайтчигмоз шуыштис Вась.

ӱтчыдйӱн и лӱччис ва дорӱдз став кӱ-

луйыс. Гольөдіс-лэдзис ваё пыж. Сөвтчис да мөдөдчис катны.

Шыч ни рач ю пөлөн — некод на некөн оз вуджрась, вөвдөм ни зорөд оз тыдав.

— Кытчө нин мөдөма Васьыс? Гашкө, пуктысьны нин да? — юалис кыр йывсянь кодкө.

Васьлөн воча кыв водзвыв нин лөсьөдөма.

— Сідз... — нюжөдыштіс Вась. — Сюмөд кульыштигмоз тай көсья катлыны видз вылөдз, вола кө коркө местаөдзым...

И водзө пыр тыдалис зібьясис-катіс. Лөньтасьясті, тыөдьясті кокныда тювгысис пыж. Но ньөжйө вөрзис косьтьяс вылөд, визлач бөжьясөд: кашкис, сьөкыда личкаліс пелыс вороп вылө кимөдзьяснас; оравлытөг зяткис-гижтіс көрт пома пелыс изья ю пыдөсө. И кымын водзө, сымын визувмис ю. Вылө кыпөдчисны ю пөлөн слудаяс. Нөшта нин джуджыдөсь улисянь кажитчисны юрйылас быдмысь великанниаяс. Улиса бызгьльтіс-быдмис ва бердын турун. Сой кыза пөляна омра разөдіс-лэдзис сынөдас асьыс лэчыд, нырбордьяс чазөдан, несйөдан көрсө. Сыкөд вензисны небыдджык, азымлун босьтчөдан көрнаныс гөрд сэтөр пуяс.

И ниа сир дукус, и кыз пу ли көрыс — ставыс сорласис өтлаө. Первобытнөй этшөн оліс да лолаліс ывла. Сөстөмсыйс-сөстөм югыд ва сольгис пыж улын. Ньөв моз лыыштасны пыж бокті чер пу кузя вөй комьяс. Ю мөдар дортгис полигтыр вуджөртасны кебөсьяс. Сувтовкерлас Вась, койыштас пыж бөжысь чибльөгөн ва, пожйыштасыркөдас чужөмсө, кимөдзнас гумлыштас пыж боксьяс и бара водзө зібьясьны мөдас. Лөнь, сэтшөм лөнь, мый пыж дорө пелысөн тотшкыштөм шы кажитчө гым горөн — йөлөга водзысь-водзө вучки-вачки сетас слудаысь-слудаө уна вевся тэрыб гы. Кытөнкө чипсасьө сьөла — «чиини... чиини... чичичи — цип, цип, цип...» Зэв сэтшөм небыда, сөстөма, сөдза, ылын-ө-матын — он төд.

Чомкост-мөд сөмын удитіс Вась катны — шонді увтасмис. Лои узьмөдчыны. Керөс бокшаын, джуджыд нияяс улын сулалө чача кодь ичөтик керка. Сэтчө Вась сувтіс. Кайис кыр йылө. Медвойдөр биасис, тшынас номьясысь вөчис. Керыштіс вожкаяс — зэвтіс вон.

Гожөмын керкаө пыжөн ветлысь морт оз пыр, оз кө нин зэв ёна зэр, а узьмөдчас ывла вылө, вонйө. Керкаын лудыкьяс





да номъяс оз лэдзлыны унмовсьны. Тöлын кö — мöд делö: кöть бергöдчыныыд некытчö ичöтик вөр керкаад, комын градуса кöдзыдыд йөршитас морт кызь-комынöдз ветлысь-мунысьöс: лудыксö и дзескыдсö терпитан сэк, медтыкö ки-кокыд шоныштлас-а... Гожöмнад жö и оландырйыс, майбыр, мортыдлы, сэки и верстайт, удитöдчы олыштны, ывла выв сöстöм сынöднас лолыштны.

Пукалö тшынас дорын Вась, ужнайтö — кач сöчөн няклялö, бергöдлö чужöмсö номъясысь тшын паныд. Ном курччалöмысь Вась оз дöзмы, тöдö: номтöгыд, шоныдтöгыд нинöм оз артмы: турун-нянь ни вотöс.

«Лöддза-номъя гожöм — бур во», примета сылөн. Бара жö кöклөн кöкöмыс: дыр кö, сёр кадöдз кöкö — бур во водзö, гожöм лö кузь, а кузьджык кö гожöм — няньыд удитас воны. Сидз пукалис, мөвпалис Вась номъяс сільгöм шыö да кöкъяс кöкöм шыö. Сёйис, бисö сайкис да ышкиг-пошкигтырйи пырис вонйö... Но дыр на эз унмовсь, мөвпалис аслыс. Надзмöса, нюдза пырисны дöра вон пытшкö войся олöмлөн шыяс. Пыдисянь кысянькö кылисны номъяс.

Вась вöли олана морт на, но сьöкыда олöмыс водз пöрысьмöдис кызкö, жебмыны кутис бөръя воясö... «Кытчöкö тай эбöсыд

бырö: тайö туй косттö зськö войдөр вöлі öти лунөн катлывла да, а öні куим лунтөг ог во», — сэн жö и мөвпыштис аслыс. Вась— морт вöлі зіль, но озырлун эз көвьясьлы, оліс гöлиника. Удж вылын йöзысь эз кольччыв, но и вевтырлун эз шедлы. Нэм чöжыс уджаліс-керис, шойччөг эз тöдлы: му кокис, видз вöчис, кыйсис, кер лэдзис...

Васьлөн семьяыс кык пи да куим ныв. Кык гырысь нылыс важөн нин верös сайынöсь, коймöдыс, дас вит арöса, гортас. Ыджыдджык пиыс Краснöй Армияын ветлö, ичөтджыкыс, дас сизим арöса, кольёмтöv Печораö сюри пленö еджыдьяслы, коллысьны ветлігөн, вöвнас и аснас. Öні Вась лои уджалысьтöм и вөвтöм...

Челядьсö Вась быдтис рама, эз чиршöдлы торья. «Мед пö ветласны эштигөн, том дырйиыд пö и ов мортыд». Сöмын дышöдчөмтö удж вылад оз вöлі радейт: «керöма кө, мед вöлі вöчöма бура, а не кийывсөн», — вöлі сылөн став видчöмыс. Виль праваа олөм йылысь мужикьяс вöлі сёрнивыв ас костаныс воасны да сöмын шуыштас: «Гашкö, тадзи и колö да... Том йöз тон лöсьöдасны олөмсö, кызди аслыныс колö, миян нэм овсьöма»... Пиянсö Вась эз пык виль олөмланы кысьсöмысь, эз зільыв важ дор сулавны,

бөрө кыскыны кодсюрө мукөд батыас моз. Да и ачыс водзынъяс эз зільлыв важ дор сулавны, нинөмөн асьсө эз петкөдлы ен водзын ни царь водзын. Код төдас, енмыслы веритө али оз вөлі Вась, сөмын чорыда вөлі веритө аслас «енлы»: «уджавтөг пө кынөмыд оз пөт»... Сэтшөм вөлі Вась.

Кык лун тырмис Васьлы катны. Коймөд лунас лун шөр гөгөр сөмын воис аслас видз вылө. Пыр на важ кодъяс, нинөм абу вежсьөма. Сөмын кык сывтыръя коз пу ва бердсьыс тулыснас ытва дырйи пөрөма ваас. Тасасьөма ю вомөныс. Бузгө сы вомөн прудйысь моз ваыс. Джуджыда кодйөма увтыс. «Бур гоблик комъяслы вөчөма», — артыштис Вась. Сувтис. Ректысис. Кайис кыр йылө. Лэчтасис да кутис ытшкыны, вөвдөм вөчны. Гож сайсьыд туруныд дыр оз косьмы, лоө лун-мөдөдз куйлөдны.

Гашкө, тэ, лыддьысьөй, он на төд, кутшөмджык ю йылын пуктысьөмыс, кутшөмджык видзьясыс? Абу паськыдөсь, абу шыльыдөсь видзьяс. Весиг видзнас оз позь шуны, а «керасьяс», сідзи и шуоны асьныс. Векныд уйтаөсь ю йывьяс. Öтмөдар боксяныс слудаяс ю пөлөн. Воргаті моз сэт визувтө ваыс. Зэв нин шочиника, кытсюрө сөмын, ылыстчылас ю дорысь слудаыс, и бара топалө... Кытысь нө ытшкөны? Пөлөнсьыс кыр

бокшасё эрдмөдалыштёма, да сэтысь и «гурийоны» да чукөртыштёны. Кёникё — юр турун, кёникё — кык, а додь-мёда зорёдыд зэв нин шоч. Бур турунысла да «донтом» вайёмысла и вөдитышталёны. Пурйён вайигён турун и пес тшөтш өтпырийён воё. Дерт, абу кокни удж сійё, да мый нё кокныдасё мянлы сетчө?! Быть лоё.

Пажынөдз Вась ытшкис, вөвдөмтор лои. Рытладор видз весьтсьыс вуграсьыштіс — пусян лои. Ужнайтё Вась, панялё дуб чери ва, кач нянь кылөдө.

«Ок эськё, татчө кё пань тыр шыдөс да сов чепөль, бур жё и юква да! — шога мөвпыштіс Вась да видзөдліс кёйдыс туис вылас. — Ог, — шуис аслыс. — Кёйдыс ог вөрзьөд... Грек сёйны медбөръя лов кутөд...» Весиг өти тусь эз вөрзьөд.

Туиссё водзас босьтіс да видлаліс дыр, чуньяс костөдыс тусьяссё лэдзис. Зарнийён киссис-гузьгысис сю чунь костьясөдыс туйсё бөр... Вевталіс туиссё топыда да пуктіс вонійё юр улас.

Мөд лунас кайис Вась видласьны, көдзанін корсьны. Дась сотчөмин колө вөлі сылы, «кос вөр» вөчыштны. («Кос вөрөн» шусьё дась сотчөм вөр ректөм да сэтчө тыла вылө моз көдзөм.)

Воис Вась важ тыла эрд вылө. Вевтас...

Вылын. Ылө тыдалө гөгөр. Сувтис да дыр арталис думсьыс. «Вот эськө тайос кө öнi гöран да öти во паритан — бур жö сy ваяс... Но кыс бара татчöдз гөръясөн локны, вывти ылын гортсянь да...» Сидз мөвпалигтыр мунис водзö. Верст мында мунис, да сотчöмин воис. Вильөн на и сотчöма — вежон кык сайын кымын. (Вась вöли гортсяньыс на тöдö сотчöмсö сийöс.) Ниа подвыв вөлöма посныдик коз сора, подулыс кыз нитшка. Коркө сэтысь ниа сортовка лэдзлöмаöсь — кык сывтыръя кыз мыръяс сулалöны гөгөр. Подулас уна шактарыс вөлöма, да бура и сотöма. Вась кытшовтис сотчöмсö, видлалис, көнi кызджык пöимыс. Ветлөдлö, кок шегйöдзыс вöйласьö пöимö... Бур. Сувтис. Гөгөртис-артыштитис синнас. «Ок эськө көйдысыд кө эм унджык татчö — няньсьодас жö крестьянинтö! — ышловзис Вась. — Да, дзоляя менам разалö öти туис тыр сyид», — шуыштитис бөрвылас.

Заводитис ректысьны, пу йывъяс чукöртны; кодсюрö пуяссö шондi водзысь пöрлөдлö да увъяссö мыр бердö көстеритö. Пöсь, öвада, буса... Но Вась быттьö нинöм оз кыв. Уджалö, аслас чужöмбан кузяыс пöсьыс няйт шорөн визувтö, войталö-киськалö вочасөн мусö. Шойчыштас-лолыштас да бара.

Быд копыртчöмысь син водзыс вижөн, ко-
дзулөн ветлö, юрыс бергöдчö, нымөн оз усь...

Сёрөнкодь нин лэччис видз вылас, чом
дорас. Лэччигмозыс кежавліс важ тыла эрд
вылö да сёрём местаяссьыс малаліс-кор-
сьысис, воймём идзас сорысь сісь шепъяссö
öктіс — ужын кежлас шыд пиас нуртор...

Аскинас лысва вылас первой ытшкыш-
тіс да бара кайис ректысьны. Пажынöдз
кымын уджаліс.

«Сэсся, тыдалö, ог жö нин вермы... Да
и тырмас менам кöйдыслы», — шуö Вась.

Тшöкыд увья понöльён гудраліс пöим-
сö, сорлаліс муыскöд. Кöдзём мыстиыс ба-
ра агсаліс, сайöдіс кöйдыссö.

Кöдзö. Шочиника коялö, чунь костöдыс
лэдзö, медым оз чукөрöсь ло. Öти тусь бокö
оз койышт. Вом улас аслыс кöдзигмозыс
кевмысис-шöпкис:

«Чужты да быдты, му-мамöй!.. Югыд
шондйöй, шонты да видз!..»

* * *

Рыт. Лэччис нин шондй. Кыза лысваа-
ліс. Кökъяс öддзисны — горшныс веськалö
лунся жарысь, чуксасьöны инь кökъяс ай

көкъяскөд, йөлөга бөрсяныыс ю сёртас ку-
зя вётлысьö-лөвтö. Көнкө турун пөвстас
матын, кылö, чөж-пөтка котсö, чуксалö пи-
янсö, сьөртысь-дзевасысь петкөдö ю вылö
уявны велöдны. Бадь кустын колипкай сьы-
лö, шудысла сьөлöмысь сьылö...

Пукалö, кывзö би дорын Вась ывла выв-
лысь рытья олөмсö. Пукалö-шойччö. Ёна
и мудзöма талун. Но сьөлөм вылас долыд.
Керöма лои сьлөн могыс, эштöдöма көс-
йөмторйыс — көйдыс иналöма, дзевöма
буринö...

Прөстö овны Вась оз вермы, пыр мый-
кө мөжгö-вөчö, гортас көть көні. Со и öні
на, шойччигмозыс, куснялö сямöд: вөчалö
туисьяс, чуманьяс — чача кодь мичаöсь —
эзысь кышöда, зарни пытшкөса, чөскыд ли
көра дозмукьяс. Туислысь бурлунсö коми
морт тöдö: «Туисыд пö быдлаö туйö, —
сійö шуö, — гортын көть туйын сыысь бур
дозмук оз сюр; көть мый пуктыны сійö:
көдзыдтор кө — дыр оз шонав, пөсьтор кө —
оз көдзав; оз сисьмы, оз сім — нэм помыс
абу... Да и ачыс Вась сэтшөм, быттьөкө
пуысь, сямöдысь, кырсьысь тэчöма: шабу-
ра, чешьясьөм кучик лазья, дөра чөрөса,
кыс кучик көмкота, сямыс тасмаа; гожөм-
быд номдөра юрсьыс оз пөрччыв. Вась бер-

дысь пыр кыліс кутшөмкө аслыссяма веж, сөстөм көр: коз сир дук, веж нитш көр, тшынасьөм вөр керка көр... Сэтшөм көр кылө сөмын гөлиник, косньөд тушаа мужикъяс бердысь, азя шыд вылын да корсюрө вөр пөтка да вотөс вөлөга вылын олысьяс бердысь... Некутшөм мөд паськөм вежөм ни кузь пөра эз вермы вевттыны сийө көрсө — тыдалө, лы-яяс нин сылы йиджөма вомөныс. Сідзи природаыс тэнө водзвыв, кувтөдзыд «бальзамируйтөма» дась...

Дыр эз узьсыы сийө рытө Васьлөн. Куйлө вонъяс, мөвпалө аслыс. Быдлаті кытшовтіс думыс. Пияныс дум вылас усины. «Көн бара ветлөны сьөлөмшөр пиянөй-а? Ловъяось абү нин? Воласны оз коркө?..» Сьөлөмыс висьө, на понда төждысьө, пыр на уджалө-керө, мед налы кокньыдджык лои водзө овмөдчыны. Со и өні на на йылысь думөн көдзатор вөчыштіс: «Локтасны, да өд ковмас и сөйны мыйкө налы».

Вой. Дугдісны нин дзользьөмысь лэбачьяс. Унмовсис көк. (Оз төдны найө Васьлысь тшыглунсө, висьөмсө, шогъяссө.) Быдөн ланьтісны. Лөнь. Сөмын көнкө вылын, ягас, дыр на кыліс, юргис-сьыліс вой олысь вөркай. Да эз лөньлы, сьяльгис косьт вывті ва... Шонді петан вежөсас сөмын коркө ойбыртліс-унмовсьліс Вась.

Кык лун на ещö сы бöрын олис Вась видз вылас: куртис ытшкышталöмсö да чукöртис моздорнас посныдик пасынöк чалькостö; кайлис сэссия туйс кыш перйыны кыддза раскö; кулис сьöртсьыс кач да куим нöбовтас лэччöдис пыжас...

Медбöрын сэссия дзыкöдз эбössьыс уси, эз кут вермыны нинöм керны. Измис гырк пытшкöсыс, пуксьыны ни водны оз вермы, кокъясыс пыктисны, краж кодь лоины.

«Мый керан, лоö, тыдалö, кывтны», — шуис да кутис сöвтчыны. Пыж тырыс Васьлөн лои кöлуй: кач, сямöд, вила пуяс гозмöд; чериыс сöмын этша лои — пöв-мöдысь пумөн, кыйсьынысö эз на эштыв. «Но да öд оз, гашкö, видчы гöтырöй, прöститас, висьтала кöдзöмöс да...» — Сидз мöвпалис Вась сöвтчигмозыс. Пуксис пыж бöжö да лэччысис кыр бердысь. Сынны Вась эз нин вермы, сöмын пелыссö ваас лэдзис да веськöдлöм могысь легöдис. «Ваыс тон кылöдас», — шуыштіс. Пыжсянныс ещö на медбöръяысь чöвтлис синсö аслас видз вылö, быттьö прöщайтчис думсьыс аслас киподтуй уджыскöд...

Эжва ю визув — кылöдö öдйö. Воис зськö Вась гортöдзыс, тöрытсьянныс кö пөтіс. Да эз тай сидз ло. Джын туйсö сöмын удитис кывтны. Чорыда топöдис Васьöс вись-



өм; пыжын некытчö нюжöдчыштны. «Сув-
тла да туплясьышта кöть му вылас, гаш-
кö, личöдыштас...» — мөвпалö. Сувтіс. Бау-
өн сорөн кыссис Вась лапта коз улö, эз
весиг вермы пыжсö вылөджык кыскыштны,
сöмын ньөр йылö домыштіс. Кöсийс номъ-
ясысь тшынастор вöчыштны — эз жö нин
вермы. Туплясьö, ымзö коз улын, ном курч-
чалөм ни нинөм нин Вась оз кыв. Сöмын
юрас öтитор бергалö — гортö кызкö воөд-
чыны...

Эз во гортöдзыс Вась... Унмовсис, нэм
кежлас унмовсис коз улö.

«Узь жö, удж бертысьöй. Вöлисти шойч-
час тэнад мудзöм ки-кокыд, уджалысь
мортöй. Коз улын чужтыліс тэнö тыла рек-
тігөн мамыд, коз улын жö и кувсин...»

Кулі морт, некод төдлытөг: оз бөрдны
дінас муса ныв-пиыс, оз бөрдсылөн дона
гөтырыс... Ссылөдісны-сільгисны коз улын
Вась гөгөр номъяс да юр весьтас джуджыд
коз йывсянь көкинъ нораа көкис — лыд-
дьөдліс арлыдсö Васьлысь...

Мөд лунас катысь пыжаяс, ас сиктса йө-
зыс, сувтісны сы весьтö. Видзөдöны — көлуй
тыра пыж дом йылын довъялö... Морт некөн
абу. Чукөстчисны — некод оз шыась, сöмын
асланыс йөлөгаыс гажтöма лөвтыштіс. Гө-

гөрвоисны... Кайисны коз улө. Видзөдөны — морт кын, дундөма, лөз... Эз ков висьтавыны налы, мый понда кувсьөма Вась. Шога видзөдис өтиыс Вась пыж вылө да ышловзис:

— Пыж тырыс тай эськө «няньыс» да...

— Да... Тайө «няньыд» унаөс на и висьмөдас да виас... — содтыштіс мөдыс.

* * *

Коли гожөм и ар... Воліс сы бөрся вой-вылө кык вевся төв — тупкыліс енэжсьыс шондісө няйт дөра өшанөн, кынтыліс-шебрөдліс му эжсө гортвыв еджыд дөраөн. Сир курыд шогъяслы тшыг гожөм бөрын содтөд тшөтш мунісны уджалысь йөз вывті төвнас — парсалісны, нартитчисны еджыдъяс... Но воис тулыс — сылі лым, «сылісны» и еджыдъяс тшөтш. Мездмисны коми уджалысь йөз, мездмис став Сөвет му. Тулыснас лун төвкөд локтісны саридзысь пөткаяс войвылө. Воисны гортаныс и пияныс Васьлөн.

...Бара нин гожөм. Бара нин ытшкандыр... А вөр шөрын, эрдтор вылын, кузь съөд мыръяс пөвстті лөзөдө-кыпөдчө кыз одъя, кузь идзаса сю... Шувгөны лыска пуяс

гөгөрыс: «Шш... ш... шш... шш...» Эрд дорын,
вөр шувгём сорыс, янсалыштө-кылыштө мөд
пөлөс — вөснъыдджык, меліджык шы: «Сс...
с... сс... ссс...» Тайө медбөръя киподтуй ко-
льөмыс Васълөн, вермытөг, кызмырдъя
керөмыс.

Копрасьоны весьт кузя шепъяс кузь
идзас йылын, казътывлөны-ошкөны Вась-
лысь лөниник, аддзытөм, нө төдчана олөм-
сө, тыдавтөм, но колана уджсө.

1929



ТРИПАН ВАСЬ *

...В этот год весна пришла на север рано... Рано появились и травка и озимь, как будто знала природа, что народ голодает, и торопилась скорее помочь...

Уже лето наступило. Приближается страда...

Трипан Вась вышел на поле и обошел его кругом, осматривая засеянные полосы.

Ссс-ссс-ссс... — шелестят, отзываются на полях колосья, подают человеку надеж-

* *Трипан Вась* — Василий Трифонович. У коми имя отца соответствующее русскому отчеству, ставится впереди.

ду на хлеб. Кланяется рожь, шепчет ячмень, обещает вкусную похлебку.

«Ах ячмень, длинноусый ячмень! И часто же ты обманываешь нас! Иногда ты с четверть длиной, а иногда и свалишься: туловище свое не сможешь сдержать. Через год обмерзаешь, не успеваешь дозреть... Сколько в иную весну навозу вгонишь в тебя, торфом сгущаешь, да и чего-чего только крестьянин не навезет на пашню для тебя — хоть самую землю, как толокно, ешь... Капризник ты, и больше ничего! Вот с тобой рядом рожь стоит — удобрения на нее меньше половины твоего идет, а растет же, ничего не говорит...» — так размышлял Трипан Вась, обходя, осматривая ячмень и рожь, и тут же обещал самому себе расширить расчистку под рожь.

Никто еще тогда и не брался за косы да грабли, а Трипан Вась уже поднялся вверх по реке сено ставить.

— Поеду! Пока еще вблизи не ставят сено, я, глядишь, хоть несколько возов там соберу, — сказал Вась своим домашним.

А в голове еще и другое было: уже нес-

сколько месяцев Вась хранил втайне от домашних около полупуда семян ржи, — надо же было их где-нибудь использовать, чтобы посеять на подсеках. Тогда ни у кого ничего не было, да и подсеки не были расчищены, а на полях посев предполагали вести уже из нового урожая. Если у кого с осени и были семена, то их давно уже успели съесть. Разве можно в голод терпеть?

— Вы пока дома веники вяжите, а я тем временем успею вернуться, — говорит жене Вась.

— Ну что ж, если можешь... Я не держу... Только вот нечего тебе на дорогу положить... Чем же ты будешь кормиться? У нас ведь даже на приварок нет ничего — ни крупы, ни муки.

— Приварок в воде, — промолвил Вась. — Положь, что есть, чего нет — не прошу. Разве не знаю, что нечего?

Уложила жена в пестерь пихтовых лепешек, налила в туесок молока — и больше ничего. Взял Вась котелок, оселок, косу и топор... Взял еще полуведерный туес.

— На что тебе такой большой туес? — спросила жена.

— А рыбу-то класть? Вам гостинец привезу, — как бы оправдывался Вась.

За один раз и принес всю поклажу к воде. Спустил лодку по гальке. Загрузил нехитрый скарб и оттолкнулся.

Ни звука кругом. Не мелькают косцы вдоль реки, не видно ни скошенной травы, ни стогов сена.

— Куда ты собрался, Вась? Неужели сено ставить в такую рань? — спросил кто-то с обрыва. А у Вася ответ заранее припасен:

— Да так... — протянул он. — Бересту надо содрать, да заодно хочу пожни осмотреть, если доплыву...

Лишь несколько чомкостов* успел Вась подняться, как солнце уже спряталось. Пришлось заночевать. Остановился у избушки. Поднялся на берег. Первым делом развел огонь — защиту от комаров. Нарубил палочек из ивы, натянул полог.

Приплывший на лодке летом в избушку не зайдет, — разве только в сильный дождь. А то непременно заночует в пологе. В избушке клопы да комары не дадут уснуть.

* *Чомкост* — расстояние между стоянками по лесным речкам, около 10—15 километров. На «чомкосты» мерялись расстояния в необжитых местах, где точные расстояния неизвестны.

Зимой — другое дело: тогда в избушке хоть и негде повернуться, но тридцатиградусный мороз загонит в одну избушку человек двадцать-тридцать проезжих; тесноту и клопов — тогда все перетерпишь, лишь бы руки-ноги отогрелись... Зато летом жить в лесу одно наслажденье, тогда только и старайся наверстать потерянное, торопись дышать чистым воздухом.

Сидит около костра Вась, ужинает — лепешки из пихтовой коры покусывает, в дыму прячет лицо от комаров. Вась не обижается на укусы, знает он: без комаров да тепла ничего не получится: ни трава, ни хлеб и ни ягоды.

«Много оводу и комаров — к хорошему урожаю» — его старая примета. «Ну и кукование кукушки тоже: если долго кукует она — хороший год, лето будет длинное, хлеба успеют созреть», — так размышлял Вась. Кончил есть, притушил костер и, кряхтя, полез под полог. Но долго не мог уснуть, все думал, думал.

Вась был еще не стар, но тяжелая жизнь как-то рано состарила его; слабеть стал в последние годы. «Куда это все силы теряются? Этот переход раньше за один день под-

нимался, а теперь, гляди, суток трое уйдет!»

Вась — человек трудолюбивый, но богатство не шло к нему, жил он бедновато. На работе от людей не отставал: всю жизнь трудился, не зная отдыха: расчищал пашни, луга, охотился, вывозил лес...

Семья у него — два сына и три дочери. Две старших давно уже замужем, третья, пятнадцатилетняя, — дома. Старший сын где-то в Красной Армии, а младший, семнадцатилетний, прошлой зимой на Печоре попал в плен к белым — в извозе захватили — и его, и лошадь... Остался Вась и без работника, и без лошади...

Своих детей Вась воспитывал без особых строгостей, не кричал на них особенно. «Пусть себе поиграют да погуляют в вольную пору — в молодости, мол, и живи человек». Но лени в работе не любил Вась. «Если уж делать что-то, надо сработать справно, а не так-сяк», — вот и все его нравоучение. А заведут, бывало, мужики разговор о жизни при новой, Советской, власти, так Вась только и скажет: «А может, так и надо?.. Молодежь, небось, устроит для себя, как им надо, а наша жизнь уже прожита...»

Своим сыновьям Вась не препятствовал тянуться к новой жизни, не старался тянуть их к старому, как некоторые отцы. Да и сам прежде ничем себя не проявлял ни перед богом, ни перед царем. Кто знает, верил ли он в бога, только крепко верил Вась в своего «бога»: «без работы сыт не будешь»...

Два дня пришлось подниматься Васю. Лишь на третий день доплыл он до своей пожни. Все по-старому, ничего не изменилось. Только толстая ель в два обхвата, которая стояла на берегу, весной свалилась в воду. Перекрыла реку. Бурлит через нее вода, как в запруде; много ее набралось. «Хорошая яма получилась для хариусов», — подметил Вась.

Причалил к берегу. Разгрузился. Поднялся на берег. Отбил косу и начал косить. В тени трава долго не сохнет. Придется несколько дней обождать.

Не широки и не гладки пожни в верховьях таежных рек. Их и пожнями нельзя назвать — разве что расчистками. Узки поймы в верховьях рек. И с той и с другой стороны вдоль реки — кручи. Как по желобу течет меж ними река. Лишь изредка отда-

ляется обрыв от реки, и сразу же снова сжимает ее русло. Где и косить?

Вдоль склонов, у берега, сделаны небольшие расчистки — там и ковыряются люди, собирая траву. В одном месте — копна, в другом — две, а стога в два-три воза очень редки. Не бросают эти луга потому лишь, что здесь сено хорошее да доставка дешева. Сплавливают плотами, зараз получая и сено, и дрова.

До паужина косил Вась. Под вечер у пожни поудил немного, наловил хариусов на уху. Ужинает Вась, хлебает пресную уху, закусывает лепешкой из пихтовой коры.

«Ох если бы еще хоть ложку крупы да щепотку соли!» — с горечью подумал Вась и посмотрел на туес с семенами.

«Нет, — сказал он себе, — семена не трону... Грешно съесть последнюю надежду».

Взял в руки туесок, долго смотрел, пропускал между пальцами семена. Золотом полилась в туес между пальцами рожь... Закрыв поплотнее и поставил в изголовье под полог.

На другой день Вась начал искать место под посев. Ему нужно было место, выжжен-

ное лесным пожаром, пальник, «сухой лес», как они называли.

Выбрался Вась из леса на полянку старой подсеки. Возвышенность. Кругом далеко видно. Остановился и долго рассчитывал в мыслях.

«Вот теперь бы распахать это и на год оставить под пар, — хороший бы урожай уродился!.. Но как сюда с плугом да бороной добраться! Слишком далеко от дому...»

Размышляя так, двинулся Вась дальше. Прошел около версты и дошел до пальника. Пожар здесь, видно, был недавно, недели две тому назад, — Вась еще дома знал про этот пальник. До пожара тут росла лиственница вперемежку с елью. Почва была покрыта густым мхом. Когда-то здесь заготавливали сортовку-лиственницу. Толстые пни в два обхвата стояли кругом, и под деревьями было много сучьев, — поэтому кругом все обгорело дочиста. Обошел Вась пальник, поискал, где толще слой пепла. Ходит — ноги по щиколотку проваливаются в пепле. «Хорошо!» Остановился. Оглянулся, рассчитал в уме.

«Ох если б побольше семян сюда — был бы с хлебом крестьянин», — вздохнул Вась.

— Да, немного места займет мой туюсок семян, — с горечью прибавил, еще раз окинув площадь пальника.

Начал расчищать, собирать вершины; некоторые деревья рубил и сучья складывал в костры. Жарко, оводы мешают, пыльно... Но Вась как будто ничего не замечает. Работает, а у самого по лицу пот грязным ручейком льется, капает, поливает землю. Отдохнет немного и опять за работу. Каждый раз, когда наклоняется, желтые звезды перед глазами разбегаются, голова кругом идет, едва не падает Вась. Уже поздно спустился он на пожню к шалашу.

Наутро при росе сначала покосил, потом опять поднялся расчищать место для посева. Проработал до паужина.

«Больше, видно, не смогу!.. Да уж и довольно для моих семян».

Сучковатой елью поковырял пепел, смешал с землей.

Сеет. Линиями редко бросает, между пальцами пропускает зерно, чтобы не в куче было, ни одно зернышко зря не кинет. Сеет и себе под нос бормочет, словно молится:

— Расти-выращивай, мать-земля!.. Светлое солнышко, пригрей-пригляди!..

Зарыл семена. После посева снова перемешал землю — забороновал вроде.

Вечер. Скрылось уже солнце. Появилась обильная роса. Ожили кукушки; утолили жажду после жаркого дня и перекликаются самки с самцами. За ними гонится, откликаясь, эхо. Где-то в траве близко от Вася крякает утка, сзывает своих утят из лесу, из потайных мест выводит на реку учить плавать... Отдыхает, сидит Вась. Сильно устал сегодня! Но на сердце легко. Выполнена задача, закончено желаемое: семена использованы, засеяны в хорошем месте...

Но сидеть без дела Вась не умеет: все что-то копошится, делает, будь это дома или где угодно. Вот и теперь, отдыхая, возится с берестой, выделяет туесы, лукошки и коробки — красивые, как игрушки, серебряные сверху, золотые внутри. Каждый коми знает значение этой берестяной посуды.

Туес на всё пригоден, говорят в Коми, хоть дома, хоть в дороге, лучше посуды не найти! Чего только нельзя хранить в нем? Не гниет, не ржавеет, и конца ему нет.

Долго не мог уснуть в этот вечер Вась. Лежит под пологом, думает, тяжелые долетают мысли. Сыновья вспомнились. «Где-

то находятся, сердечные? Живы ли? Вернутся ли когда-нибудь?..»

Болят сердце за них, беспокоится. И работает и трудится Вась — все для того, чтобы им лучше жилось. Вот и теперь он посеял, думая о них: «Ведь вернутся же, надо будет жить как-то».

Ночь. Перестали щебетать птички. Все затихло. Только где-то высоко в бору еще долго пел-разливался лесной житель — клест, да, не утихая, журчала вода на быстрине.

Лишь к восходу солнца забылся, заснул ненадолго Вась.

Два дня после того еще пробыл он на пожнях: собирал сено в небольшой стог, поднимался в березовую рощу за берестой для туесков, сдирал в парме пихтовую кору — целых три охапки снес в лодку...

Под конец совсем выбился из сил. Три дня уже не ходил он по своей надобности — живот стал как каменный, ни сесть, ни лечь не может, ноги опухли, стали как колоды.

— Что делать!.. Придется, видимо, плыть, — сказал он и стал укладываться.

Лодка полна груза: пихтовая кора, берес-

та, несколько березовых шестов для вил, только рыбы мало, на одну уху, не больше. Некогда удить ему! Но, может, и не будет ругаться жена, простит, когда скажет ей о посевах...

Так размышлял Вась, укладываясь. Сел на корму, оттолкнулся от берега. Грести он уже не мог, только весло в воду опустил и шевелил им изредка, управляя лодкой. «Течение донесет», — промолвил про себя. С лодки в последний раз кинул взгляд на свою пожню, как будто прощался с результатами труда рук своих.

Вычегда несет быстро. Доплыл бы Вась до дома, если бы выехал накануне. Да не тут-то было. Половину пути только проплыл, как жестоко схватила Вася болезнь, а в лодке даже растянуться негде. «Остановлюсь, хоть поваляюсь на земле, может, полегчает», — думает он.

Остановился. На коленях добрался до разлапистой ели и не смог даже лодку повыше поднять, только за иву привязал. Хотел от комаров дымник развести и тоже не смог. Валяется, мычит под елью, не чувствует даже, как комары кусают. Одна мысль в голове: как бы домой добраться...

Не добрался до дому Вась... Так и заснул, заснул навечно под елью. Наконец-то обрели отдых его усталые руки и ноги. Под елью родила его мать, когда расчищала под секу, под такой же елью он и умер...

Так и умер человек, никем не замеченный; не плачут около него любимые дети, не плачет жена... Отпевали его только гужевые около него под елью комары, да на самой голове с вершины ели печально куковала кукушка, точно пересчитывала прожитые им лета...

На другой день соседи Вася, поднимавшиеся на лодке, заметили его лодку, остановились. Смотрят: полная лодка на привязи качается, и никого нет... Крикнули — никто не отозвался...

Поднялись под ель. Видят: холодный труп, вспухший, посиневший... Не надо было гадать, отчего умер Вась. Печально посмотрели на лодку. Один вздохнул, еле слышно выговорил:

— А «хлеба»-то полная лодка!

— Да... Такой хлеб многих еще отправит на тот свет... — прибавил другой.

Прошли лето и осень... Пришла зима. Покрыла небо и солнце грязной занавесью, землю — белым гробовым саваном. После голода посетили крестьян еще более горькие, черные, как смола, печальные дни... Малетели белые банды.

Но наступила весна, стаял снег, стаяли с ним и белые. Освободился народ коми, освободилась и вся Советская страна. Весной, с южным ветром, прилетели с теплых морей на север птицы, приехали домой и сыновья Вася.

...В гуще леса, на небольшой полянке, между высоких черных пней, зеленеет длинностебельная рожь... Шумят кругом хвойные деревья:

— Ш-ш-ш... шш-ш!..

У опушки из шума леса выделяется другой, более тонкий, нежный звук:

— С-с-с... с-с-сс...

Это результат последних усилий Вася, плоды покидавших уже бедного труженика сил. Кланяются под ветром колосья длиной с четверть, как бы вспоминая эту тихую, неяркую, незаметную жизнь, как бы благодаря за незаметную же, но нужную работу того, кто посеял их здесь на этом далеком пальнике.



ТИМА ВЕНЬ (1890—1938). 1907 воын второкласнѳй школа помалѳм бѳрын пѳ, гижѳ ачыс Тима Вень, «син водзѳй дзикѳдз воссис: кѳсйыси лоны культурнѳй крестьянинѳн либѳ школаын велѳдны... Ме мѳдѳдчи «учительскѳй звание» корсьны. Дыр сйѳс меным лои перйыны, сѳмын 1914 воын шед-лі». Тотьмаса учительскѳй семинарияѳ эз босьтны, провалитисны. Та бѳрын том морт нѳльысь сетліс шыѳдчѳм, мед торгья экзамен серти лоны учительѳн.

А муртса сюри места велѳдны челядьѳс ичѳт школаын, Тима Вень пыр жѳ сьѳлѳм-сяньыс босьтчис лѳсьѳдны школаын велѳдан коми книгаяс — вѳр-пу йылысь («Быдман-торгьяс») да роча-комиа букварь. Коми шко-лаясын первой вояссѳ ас кывйѳн велѳдѳм йылысь сѳрни том учитель кыпѳдис мѳд учи-тельскѳй сьезд вылын (1911 во). Тайѳ вѳлі медся лѳк реакция воясас, кор «народнѳй образованиеѳн» веськѳдлысьяс шуисны дзи-кѳдз вѳтлыны школаысь челядьлысь чужан кывсѳ, весиг эз лѳдзны сѳрнитны комиѳн перемена дырйи. Сьезд вылын сѳрни вылѳ воча кывсѳ эз ковмы дыр виччысьны — ве-лѳдысьѳс шуисны мѳдѳдны мѳд школаѳ. Ыргьянитысь Тима Вень «объявитис бой-кот» — вит во уджалѳм бѳрын петис учи-

тель удж вылысь, заводитіс писаравны гортса сиктас. И бара кыпöдіс гөлөс, ышöдіс сиктса йöзöс шыöдчыны власть кутысьяс дінö, мед Помöсдінын восьтны шөр школа. Вель дыр гижасьöмыс муніс, медбöрын воис Государственнöй думасянь В. М. Пуришкевичлөн воча кыв: «Кутшöм образование прöстöй йöзлы, крестьяналы? Тырмас и прöстöй грамотаыс. Унджык йылысь мед оз и мөвпавны».

1915 воын Тима Веньлөн общественнöй уджыс ори, мобилизуйтісны армияö. Кöсйисны пö велöдны офицерö, но «эз вермыны велöдны (аснырöс менö) да тойыштісны фронт вылö».

Тайö кад йывсьяс Тима Вень гижö сьöлөмянь петан пöсь кывъясөн: «Война дырйи коми йöз ёна велалісны асьнысö донъявны, мортгуйнысö тöдны, асланыс мулысь озырлунсö аддзыны; велалісны пöльзуйтчыны и асланыс кыв-сёрнинаныс (письмöяс унджыкыс вöлі комиён гижöны)».

Февральскöй революция суис Тима Веньöс Киевын, и сэнi олiгөн жö пö, «17-öд вося тулысын ме первой збыльысь тыр сьöлөмөн заводитчи гижны ас кывйөн. Вöлисти менам инасис сьöлөмöй, вöлисти ме ассьым

шуд-таланос аддзи... Воссн. Садьми. Ордом
вируля дойой письтис...

Мича, муса Украиналон ывла вылыс ме-
но садьмодис поэзия оломо, а Украинаса
йозлон автономия олом корсьомыс — ме-
ным тшотш вуджис. И нуи ме сийос (думсо)
сьорсьым «ки пыдос вылын полялгтырйи»
Коми муо... Вилисти кутисны позьтомтор
колормъяс, уна вося думъяс вогъяссысь вемос-
со порны».

Но комион гижны Тима Вень заводитис
ена водзджык. Лоис тайо 1908—1909 воясо
Пожогса ичот школаын учителялигон. Бу-
ретш сэки сийо комиодо И. Никитинлысь
да А. Кольцовлысь кывбуръяс. А кыдзи тод-
чана поэт да прозаик Тима Вень совмис
да вынсялис горд Октябрь борын, кор лоис
позянлун висьтавны ассьыс мовпъяссо да
косьомъяссо некодон куттог, чужан кыв вы-
лын. И сылон творчествоыс топыда, торйод-
ны позьтома йитчома коми советской ли-
тературалон чужомкод да совмомкод, сылон
медводдза воськовъяскод, первой вермомъ-
яскод. Буретш та всна Тима Веньос ми
лыддям коми советской литературылы подув
пуктысьяс лыдын.

Октябрьской революция борын, пасйо

Тима Вень, «эг тӱдлы, кыдзи воясыс коллны, ӱта-мӱдыскӱд вежласиг-котрасигтыр». Сийӱ вынъяссӱ жалиттӱг зильӱ паськӱдны, йӱзӱдзыс вайӱдны революциялысь шедӱдӱмторъяссӱ, мед сӱвмӱдны-кыпӱдны Коми му, заводитны йӱзӱс пальӱдан, ышӱдан удж. Тайӱ и сӱӱлӱмтӱ вӱрзӱӱдан кывбуръяс, и неыджыд пьесаыс, и драматическӱй кружокӱн веськӱдлӱм, и собраниеыс да митингъяс, и «Коми котыр» общество лӱсьӱдӱм, и коми школа вӱсна дугдывтӱг тӱждысьӱм, челядьлы лыддӱысян книгаяс лӱсьӱдӱм. Нинӱм эз вермы дугӱдны тайӱ уджсӱ, сӱмын ичӱтик коставлӱм и вӱлӱ, кор еджыд бандаясысь ковмылӱс пышйывны партизанъяскӱд.

И пыр кыпыд, ӱзъялана, йӱзлы сӱӱлӱм сетан творческӱй удж матӱ кызь во чӱж! Пасъям тан жӱ ещӱ: 1933 воӱдз Тима Вень уджалӱс школаын, велӱдӱс челядьӱс. Революция бӱрын, выль олӱм вынсьӱдӱгӱн да сӱвмӱдӱгӱн татшӱм подвижникиыс вӱлӱ уна. И унатор найӱ вермисны да вӱчисны.

И векжӱ Тима Вень уджын медся тӱдчанаыс — сылӱн литературнӱй творчествоыс: кывбуръяс да поэмаяс, висьтъяс, гырысь гижӱдъяслӱн панасъяс, публицистика,

очеркъяс да челядьлы гижөдъяс. И позьö
веськыда шуны: став творчествоыс Тима
Веньлөн эпической, нинөм абу сәни сідз-
тадз шуөм, абу олөмсö веркөса гөгөрвоөм
да петкөдлөм, лөжнөй мичлунөн любуйтчөм.
Аслас быд гижөд йылысь Тима Вень вермис
шуны:

Менам кывъясöй — сійö вир
тусьяс;
Менам гижөдъяс — менам
синваяс.

Абу прöста сідз найöс лөдöма,
Сэтчö пунктöма мый меддонаыс.

1920 восянь В. Чисталёв, гортсаыслөн
да ёртъясыслөн висьталөм серти, гижö быд
лун, но ас дінас вывті требовательнөй ху-
дожник йөзөдö гижөдъяссö этша, зэв ге-
жöда. Сöмын 1928 воын сылөн петö воддза
книга — «Муртöса да муртөстөм лыддьөгъ-
яс», сэсся 1936 воын мөд книга — «Олөм
вояс».

Тима Веньлысь творчествосö вылө донъ-
ялісны ёртъясыс. 20-өд вояс помын да 30-өд
вояс заводитчигөн сылысь гижөдъяссö весь-

кыда шуисны поэзияын да прозаын жемчужинаясон, кодос абу на по вевтырторма формаыслон мастерство да кывйыслон озырлун серги. Та боксянь том гижысьяслы ена на колон велодчыны Тима Веньлысь и талун.

Эз ыджыд кад сет судьбаыс коми гижысьлы. Эз уна кольсылон литературной наследствоысь. Кыдзи и уна сюрс да весиг уна миллион морт, Тима Вень веськаліс Сталин изки улон. 1937 вося ноябрын сийос нимтисны «буржуазной националистон, народлон врагон», некутшом мыжтог пуксьодисны тюрьмаон, кони 1938 вося октябрын сийон и кувсис.

Тайон неыджыд книгаас, коди петон Тима Вень чужан лунсянь (1890 вося октябрь 8 лун) 100 во тыригкежлон, пырон коми гижысылон творчествоысь медся годчанаыс, мичаыс да бурыс, соллом ворзьоданаыс. Но жалитомпырысь лон шуны: этша, вывти этша онодз йозодома Тима Вень гижодъясысь роч кыв вылын. Надейтчам: писательлысь 100 вося юбилейсон пасийомыс отсалас венны и тайон нелючкисон. Коми войтырлон та вылон лачаыс зев ыджыд.

Георгий ТОРЛОПОВ

ЧИСТАЛЕВ В. Т. (1890—1938). После окончания в 1907 году второклассной школы, пишет сам В. Т. Чисталев, «глаза по-настоящему открылись: дал слово стать культурным крестьянином или учить в школе... Отправился добывать «учительское звание». Долго пришлось добывать его, только в 1914 году добыл». В тотемскую учительскую семинарию не приняли, провалили. После этого четырежды подавал заявление, чтобы стать учителем после сдачи особого экзамена на это звание.

Как только получил место учителя в начальной школе, В. Т. Чисталев сразу же принялся за составление коми книг для школьников — «Растения» и русско-коми букваря. С изложением проблем обучения детей в первых классах коми школ молодой учитель выступил на втором учительском съезде в 1911 году, в пору черной реакции. Это были годы, когда руководители «народного образования» решили окончательно изгнать из школы родной язык учащихся, не разрешали разговаривать на этом языке в стенах школы даже на переменах. Ответ на выступление не заставил долго ждать — его решили перевести в другую школу. Упрямый учитель после пяти лет работы в школе

«объявил бойкот» — ушел с педагогической работы, стал сельским писарем. И снова поднял свой голос, подбил односельчан обратиться к власти имущим в Москве об открытии в Помоздине средней школы. Довольно долго шла переписка, наконец пришел ответ от председателя Государственной думы В. М. Пуришкевича. Он писал: «Какое образование простолюдинам, крестьянам? Хватит и простой грамоты. О большем чтоб и не мечтали...»

В 1915 году общественная работа Вениамина Тимофеевича прервалась. Его мобилизовали в царскую армию. «Хотели сделать из меня офицера, — замечает он, — но не смогли (своенравного) обучить и вытолкнули на фронт».

Об этих годах В. Т. Чисталев вспоминает идущими от сердца словами: «В годы войны значительно окрепло самосознание коми солдат, они почувствовали себя представителями народа, осознали необходимость отстаивать свое достоинство, увидели, как богата родная земля; научились пользоваться своим языком (большинство солдат письма писали по-коми)».

Февральская революция застала Вениамина Тимофеевича в Киеве. Именно там,

по его словам, он «весной 17-го года впервые по-настоящему от всего сердца начал писать на родном языке. Только тогда успокоилось мое сердце, только тогда почувствовал свое счастье, свой талант... Открылся. Очнулся... Красивая природа Украины разбудила во мне поэтическое восприятие окружающего, а борьба украинского народа за автономию стала близкой и мне. И понес я эти думы с собой в Коми».

Но писать на коми языке В. Т. Чисталев начал намного раньше — в 1908—1909 годах. Именно в те годы молодой учитель переводит стихотворения И. Никитина и А. Кольцова. А как известный поэт и прозаик Вениамин Тимофеевич Чисталев проявил себя в послеоктябрьские годы, когда открылась возможность выражать свои мысли и желания на родном языке без всяких притеснений и ограничений. Его творчество неразрывно связано с первыми шагами коми советской литературы, с первыми ее успехами. И мы по праву называем В. Т. Чисталева одним из зачинателей и основоположников коми советской литературы.

После Октябрьской революции, с радостью замечает писатель, «не чувствовал даже, как летели годы. Казалось, они, чере-

дуясь, обгоняют друг друга». Писатель, не жалея сил и времени, стремится от всего сердца ускорить движение, довести до сознания народа свершения революции, чтобы активнее, быстрее поднимать, развивать родную землю, будить, воодушевлять коми народ на новые дела и свершения. Этому посвящено творчество писателя, каждая написанная им строка. Это и его стихотворения, и небольшие пьесы, и руководство драматическим коллективом, собрания и митинги, и создание общества «Коми котыр» (Коми общество), и бесконечные дела и заботы по созданию коми школы, по составлению коми учебников и книг для школьников. Ничто не могло остановить этот созидательный труд, был только небольшой перерыв, когда под натиском белогвардейских банд уходил из родного села с партизанами.

И так почти двадцать лет! В эти же годы (до 1933) В. Чисталев работает в школе учителем, преподает родной язык и литературу. Немало было таких подвижников в послереволюционные годы. И один из них — Тима Веня. И они многое могли. И сделали!

И все же самое значительное и выдающееся у Тима Веня — его литературное творчество. Оно многогранно и многоцветно —

стихотворения и поэмы, рассказы и очерки, публицистика и миниатюры-эссе о родной природе, родной земле и ее истории... Мы можем с полным правом сказать: все творчество В. Т. Чисталева звучит эпически, им ничего не сказано просто так, у него нет ни ложного любования красотой, как нет и монументального суесловия.

Вениамин Тимофеевич Чисталев о каждой строчке своих произведений мог сказать словами стихотворения: «Слова мои — это капельки крови; мои писания — это слезы мои».

* * *

С 1920 года, по свидетельству родных и своих друзей-коллег, он писал ежедневно, но в силу высокой требовательности к себе мало и редко публиковался. Первая книга — сборник поэтических и прозаических произведений — вышла в 1928 году, вторая — в 1936 году.

Немного лет отдала судьба Тима Веню — В. Т. Чисталеву. Как и многие тысячи и даже миллионы советских людей, В. Чисталев не избежал произвола сталинщины. В ноябре 1937 года он был репрессирован как «бур-

жуазный националист, враг народа» и в октябре 1938 года умер в тюрьме.

В этом небольшом сборнике, выходящем к 100-летию со дня рождения писателя, представлено самое значительное из того, что создано коми писателем. Вызывает большое сожаление, что очень и очень мало переведено у Тима Веня на русский язык. Лелеем надежду: празднование 100-летнего юбилея писателя поможет преодолеть этот недостаток. Общественность республики, благодарный коми народ надеется на это. Да будет так!

Георгий ТОРЛОПОВ

ЮРИНДАЛЫСЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Менам кывъясöй	5
Мои слова. <i>Перевод В. Кушманова</i>	6
Ленин гу дорын	7
У мавзолея Ленина. <i>Перевод Е. Сокола</i>	14
Поэзия артмöm	27
Рождение песни. <i>Перевод В. Журавлева-Печорского</i>	27
Чужан муöй менам	29
Земля моя родная. <i>Перевод Г. Торлопова</i>	34
Öти... дас куим миллион лыдысь	40
Один из тринадцати миллионов. <i>Перевод С. Кашеварова</i>	63
Трипан Вась	87
Трипан Вась. <i>Перевод С. Кашеварова</i>	107
Георгий Торлопов. ТИМА ВЕНЬ	123
Георгий Торлопов. ЧИСТАЛЕВ В. Т.	129

Вениамин Тимофеевич Чисталев

МОИ СЛОВА

На коми и русском языках

Художник *В. В. Токарев*

Составитель *Г. И. Торлопов*

Редактор *М. Ю. Васютов*

Художественный редактор *В. Б. Осипов*

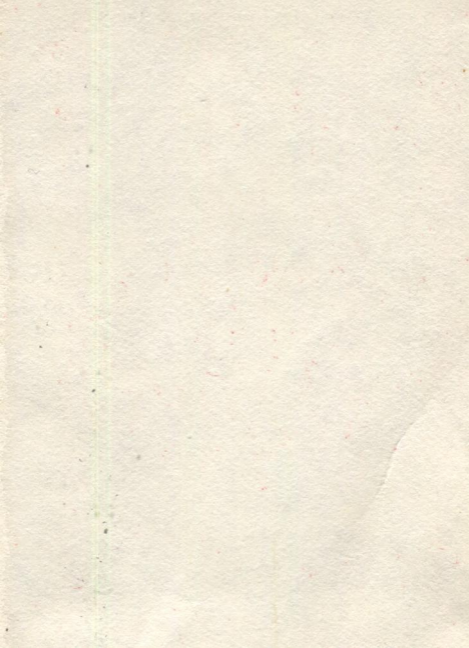
Технический редактор *А. Н. Вишнева.*

Корректор *А. А. Надуткина.*

ИБ № 1484

Сдано в набор 16.02.90. Подписано к печати 31.07.90. Формат 60×90¹/₆₄. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. печ. л. 2,125. Усл. кр.-отт. 4,64. Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 5000 экз. Заказ № 4720. Цена 2 р. 10 к. Коми книжное издательство. 167610, Сыктывкар, ул. Карла Маркса, 229. Головное предприятие Коми республиканского полиграфического производственного объединения. 167610, Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

К 4702310200-017 30-90 м
М 128 (03)-90



2 р. 10 к.